

Колин Гувер

В поисках Золушки

Пролог

— Ты сделал татуировку? — я уже в третий раз задаю Холдеру этот вопрос, но все равно не могу в это поверить. Это не характерно для него, особенно, если не я сподвигнул его на это.

— Боже, Дэниел, — он простонал на другом конце линии, — остановись. И прекрати меня спрашивать почему.

— Просто странно сделать себе такую татуировку. *Безнадежный*. Это очень угнетающее выражение. Но все равно, я впечатлен.

— Я должен идти. Я позвоню тебе позже на этой неделе.

Я вздохнул в трубку.

— Боже, это полный отстой. Единственная хорошая вещь, которая есть в школе, после твоего переезда, это пятый урок.

— Какой у тебя пятый урок?

— Никакого. Меня забыли определить в класс, поэтому каждый день в течение часа я прячусь в чулане.

Холдер смеется. Я слышу его смех впервые за два месяца, с тех пор, как умерла Лес. Может быть, переезд в Остин идет ему на пользу.

Звенит звонок и я, придерживая телефон плечом, сворачиваю свою куртку и бросаю ее на пол чулана. Я выключаю свет.

— Поговорим позже. Мне пора вздремнуть.

Завершив вызов, я поставил будильник на пятьдесят минут и положил его на полку. Закрыв глаза, я размышляю, насколько этот год отстоен. Мне ненавистна мысль, что Холдер переживает из

— за случившегося, но я ни черта не могу с этим поделаться.

Я не даю ему советы и думаю, ему это нравится. Он нуждается во мне, просто для того, чтобы оставаться собой и только одному Богу известно, что остальные и понятия не имеют, как себя с ним вести. Если бы они не были такими придурками, он, наверное, все еще был бы здесь и в школе не было бы так отвратительно.

Это отстойно. В этом месте все отстойно и я ненавижу их всех. Всех, кроме Холдера, но его здесь больше нет.

Вытянув перед собой ноги и скрестив их в лодыжках, я закрываю рукой глаза. Во всяком случае, у меня есть пятый урок.

Пятый урок — это хорошо.

• • •

Открыв глаза, я простонал, когда что— то упало на меня. Я слышу стук закрывающейся двери.

— Что за черт?

Я пытаюсь скинуть это с себя, как вдруг понимаю, что мои руки прикасаются к чьим — то мягким волосам.

Это человек?

Девушка?

Эта цыпочка упала на меня. В чулане. И она плачет.

— Кто ты, черт возьми? — спрашиваю я осторожно. Кем бы она ни была, она пытается меня оттолкнуть, но мы оба, кажется, движемся в одном направлении. Я пытаюсь подняться и развернуть ее в свою сторону, но в этот момент наши головы соприкасаются.

— Черт, — сказала девушка.

Я падаю обратно на свою импровизированную подушку и потираю свой лоб.

— Извини, — пробормотал я.

На этот раз никто из нас не двигается с места. Я слышу, как она хлюпает носом, стараясь не плакать. Свет до сих пор выключен, и я ничего не вижу перед собой на расстоянии двух дюймов. Я не возражаю, что она все еще сидит на мне, потому что от нее потрясающе пахнет.

— Думаю, я потерялась, — сказала она, — я думала, что иду в уборную.

Я покачал головой, хотя знаю, что она этого не видит.

— Это не уборная. Но почему ты плачешь? Ты ушиблась, когда упала?

Я чувствую ее вздох на своем теле. Понятия не имею, кто она или как она выглядит. Я чувствую ее печаль и от этого мне немного грустно. Я не знаю, что случилось, но я обнимаю ее, а ее щека опускается мне на грудь. В течение пяти секунд мы перешли от крайне неудобного к крайне комфортному положению, как будто мы делали так всегда.

Это и странно, и нормально, и горячо, и грустно, и необыкновенно, и мне действительно не хочется ее отпускать. Я чувствую своего рода эйфорию, как будто мы в какой то сказке. Как будто она Динь — Динь, а я Питер Пен.

Нет, подождите. Я не хочу быть Питером Пенем.

Как будто она Золушка, а я ее Прекрасный Принц.

Да, этот образ лучше. Золушка горяча, даже тогда, когда трудится до изнеможения у плиты. К тому же, она хорошо выглядит в своем бальном платье. Не страшно, что мы встретились в чулане. Очень подходяще.

Я протягиваю свою руку и вытираю ее слезы.

— Я ненавижу их.

— Кого?

— Всех. Я всех их ненавижу.

Закрыв глаза, я поглаживаю ее волосы, делая все возможное, что бы ее успокоить. В конце концов, кто— то должен сделать это. Не уверен в том, что она всех ненавидит, но все же чувствую, что у нее есть очень веская причина.

— Я тоже всех ненавижу, Золушка.

Она тихо рассмеялась, наверное, не поняв, почему я назвал ее Золушкой. По крайней мере, она больше не плачет. Ее смех опьяняет и все мои мысли лишь о том, как заставить ее сделать это снова. Я пытаюсь придумать, как ее рассмешить, когда чувствую, что она поднимает свое лицо с моей груди и пытается подняться. Не успев ничего осознать, я почувствовал ее губы на своих. Я не уверен, должен ли я оттолкнуть ее или наоборот притянуть ближе к себе. Я поднимаю руки к ее лицу, но она отпрянула так же быстро, как и поцеловала меня.

— Извини. Я должна идти.

Она кладет ладони рядом со мной на пол и начинает подниматься, но я обхватываю ее лицо руками.

— Нет.

Я подношу ее рот к своему и целую. Я тяну ее назад в свою сторону и кладу напротив себя так, что ее голова покоится на моей куртке. Ее дыхание на вкус как старбаркс^[1], мне хочется

целовать ее до тех пор, пока я не распробую все оттенки ее вкуса.

Она кладет свою руку мне на плечо, время от времени перемещая ее на затылок. Я держу свою руку на ее талии, ни разу не касаясь другой части тела. Единственное, что мы делаем — исследуем рот друг друга. Мы целовались, не издавая ни единого звука. Мы целовались до тех пор, пока не прозвенел будильник на моем телефоне.

Несмотря на звук, никто из нас не остановился. Мы даже не решались это сделать. Мы целовались до тех пор, пока не прозвенел звонок в коридоре, пока не начали захлопываться шкафчики и пока люди не зашумели в коридоре. Пока не был украден наш момент посторонними вещами.

Я прикасался к ее губам, пока она не начала медленно отстраняться.

— Мне нужно идти в класс, — прошептала она.

Я кивнул ей, хотя она меня не видит.

— Мне тоже.

Она начинает подниматься. Перевернувшись на спину, я чувствую, как она придвинулась ближе ко мне. На мгновение ее рот встретился соим, а потом она оттолкнулась и встала.

Она открывает дверь, свет из коридора заполнил комнату и я зажмурил глаза, положив руку на глаза.

Я слышу, как закрывается дверь за ее спиной, и некоторое время я привыкаю к освещению, но свет уже погас.

Я тяжело вздохнул. Я все еще сидел на полу, ожидая, пока мои физические реакции на нее спадут. Я не знаю, кто она и почему, черт возьми, она здесь оказалась. Но надеюсь, что она вернется.

Черт, мне нужно намного больше.

• • •

На следующий день она не пришла. И через день тоже. На самом деле, сегодня уже неделя, как она упала в мои объятия. Я убедил себя, что, наверное, весь тот день был просто сном. В ту ночь я практически не спал, смотрел фильм про зомби, хотя два часа все же удалось поспать. Не знаю, может я просто это все вообразил. Мои фантазии не такие уж и веселые. Вернется она или нет, у меня до сих пор нет пятого урока. До тех пор, пока обо мне не вспомнят, я буду прятаться здесь. Прошлой ночью я хорошо выспался и поэтому сегодня я не уставший. Я потянулся за своим телефоном, чтобы написать Холдеру, когда дверь приоткрылась.

— Малыш, ты здесь? — услышав ее шепот, мое сердце быстро забилося. Я не знал, вернулась ли это она, потому что свет был включен. Не уверен, что это она. И все же, мне хочется увидеть, как она выглядит, когда зайдет сюда.

— Я здесь.

Дверь по —прежнему была приоткрыта. Она скользнула рукой внутрь, нащупала выключатель и погасила свет. Дверь открылась, и она тихо вошла, быстро закрыв ее за собой.

— Могу я спрятаться вместе с тобой?

Сегодня ее голос звучал иначе, не как в тот раз. Он звучал весело.

— Сегодня ты не плачешь.

Я чувствую, как она приблизилась ко мне. Подойдя к столешнице, на которой я сидел, она слегка задела мою ногу. Найдя свободное место, она села рядом со мной.

— Сегодня я не грущу, — на этот раз её голос звучал гораздо ближе.

— Хорошо.

Мы молчим в течение нескольких секунд, но эта тишина приятна. Я не знаю, почему она вернулась или почему ей потребовалось на это неделя, но я рад, что сегодня она здесь.

— Почему ты был здесь на прошлой неделе? И почему ты здесь сейчас?

— Неудачное расписание. У меня нет пятого урока, поэтому я прячусь здесь. Надеюсь, администрация этого не заметит.

Она смеется.

— Ты сообразительный.

— Да.

Наступает тишина, которая продлилась минуту или около того. Наши руки сжимают край столешницы, она качает своими ногами, а ее пальцы едва касаются моих. Я осторожно накрыл ее руку своей и положил к себе на колено. Это кажется довольно странным, вот так вот просто взять ее за руку, когда на прошлой неделе за пятнадцать минут мы сделали намного больше. Так, держась за руки, мы вернулись к началу.

Ее пальцы соприкоснулись с моими и я сжал ее руку.

— Это так приятно. Я раньше никого не держала за руку.

Я замер.

Сколько, черт возьми, ей лет?

— Ты же не из средней школы?

Она засмеялась.

— Боже, нет. Просто прежде я никого так не держала. Ребята, с которыми я была, забывали про эту часть. Но это мило. Мне нравится.

— Да, это мило.

— Подожди. Ты же тоже не из средней школы?

— Нет. Пока нет.

Она качает своей ногой в мою сторону и слегка пинает меня. Мы вместе смеемся.

— Это немного странно, тебе не кажется?

— Уточни. Есть много вещей, которые можно считать странными. Поэтому я не уверен в том, что ты имеешь в виду.

Я чувствую, как она пожимает плечами.

— Не знаю. Это. Мы. Мы целовались, а сейчас разговариваем, держась за руки. Но мы даже не знаем, как выглядим.

— Я очень симпатичный.

Она засмеялась.

— Я серьезно. Если бы ты меня сейчас видела, ты бы стояла на коленях, упрашивая быть твоим парнем, чтобы ты могла гулять со мной по школе.

— Маловероятно. Я ни с кем не встречаюсь. И ты себя переоцениваешь.

— Если ты не держишься за руки и ни с кем не встречаешься, тогда что ты делаешь?

Она вздыхает.

— Практически все остальное. Знаешь, у меня очень неплохая репутация. Возможно, раньше у нас был секс, но мы даже не осознаем этого.

— Невозможно. Ты бы запомнила меня.

Она снова смеется. Разговоры с ней заставляют меня улыбаться. Мне хочется снова стащить ее на пол и ничего не делать, а только целоваться.

— Ты действительно симпатичный? — спросила она скептически.

— Страшно красив.

— Позволь мне угадать. У тебя темные волосы, карие глаза, большой пресс, ослепительная улыбка и ты одеваешься в Abercrombie&Fitch.

— Близко. Ты права на счет цвета глаз, улыбки и пресса. Но волосы у меня светло — каштановые и обычно я одеваюсь в AmericanEagleOutfitters.

— Впечатляет.

— Моя очередь. У тебя густые светлые волосы, большие голубые глаза, маленькое белое платье с

соответствующей шляпкой, королевская голубая кровь и ты около двух футов.

Громко рассмеявшись, она сказала:

— У тебя пунтик на Смурфиках?

— Парень может помечтать.

Она все еще смеется и от этого звука моему сердцу больно. Больно, потому что я действительно хочу узнать, кто эта девушка. Но я боюсь, что когда я это узнаю, я не захочу ее так, как хочу сейчас.

Она вздыхает после того как перестает смеяться и тогда в комнате становится тихо. Так тихо, что почти неудобно.

— После сегодняшнего дня я не вернусь сюда.

Я сжимаю ее руку, печально удивляясь, что чувствую себя как на исповеди.

— Я уезжаю. Не сейчас, но скоро. Этим летом. Я просто думаю, что было бы глупо сюда вернуться, потому что рано или поздно мы включим свет или назовем наши имена. Просто я не думаю, что хочу знать, кто ты.

Я поглаживаю ее ладонь большим пальцем.

— Зачем ты сегодня вернулась?

Тихо вздохнув, она ответила:

— Я хочу отблагодарить тебя.

— За что? За поцелуи? Это все, что я сделал.

— Да, — отвечает она сухо. — Точно. За то, что целовал меня. Просто за то, что целовал меня. Знаешь ли ты, сколько прошло времени, с тех пор, как парень просто меня целовал? После того, как я покинула тебя здесь, я пыталась вспомнить, но не смогла. Каждый раз, когда меня целовал парень, он так спешил, чтобы перейти к тому, что происходит после поцелуев. Господи, не думаю, что прежде меня целовали.

Я покачал головой.

— Это удручает. Не приписывай мне слишком много заслуг. Я хочу, чтобы та часть осталась в прошлом. На прошлой неделе я не спешил потому, что ты потрясающе целуешься.

— Да, — говорит она уверенно, — я знаю. Представь себе, что сексом я могу заниматься также.

Я проглотил комок в горле.

— Поверь мне, я хочу этого. Я мечтаю об этом уже неделю.

Ее ноги перестали раскачиваться. Может быть, от моего комментария ей стало неудобно.

— Ты знаешь, что еще печально? Никто раньше не занимался со мной любовью.

Этот разговор движется в странном направлении. Я уже и не знаю, что сказать.

— Ты молода. У тебя впереди много времени. Девственность — это очень сексуально, так что тебе не о чем волноваться.

Она смеется, но на этот раз в ее смехе слышатся грусть.

— Я не девственница. Вот почему это грустно. В отношении секса я довольно опытна, но, оглядываясь назад...Я ни одного из них не любила. Никто из них меня не любил. Иногда я задаюсь вопросом: чем секс отличается от занятия любовью? Он лучше?

Поразмыслив над ее вопросом, я понимаю, что не знаю ответа. Я тоже никого не любил.

— Хороший вопрос. Это так грустно. Мы несколько раз занимались сексом, но ни один из нас никогда никого не любил. Это много говорит о нашем характере, не думаешь?

— Да. Уверена, что так и есть. Но это очень печальная истина.

Я держу ее руку, и мы молчим. Я не могу перестать думать о том, что ее раньше никто не держал за руку. Я мысленно спрашиваю себя,

держал ли я за руку тех девушек, с которыми спал? Не то, что бы их было много, но достаточно для того, чтобы вспомнить, держал ли я их за руки.

— Я мог быть одним из тех парней, — к своему стыду, я признаюсь в этом. Не знаю, держал ли я когда —нибудь девушку за руку, прежде чем спал с ней.

— Ты держишь мою.

Я киваю.

Прошло еще несколько минут молчания, прежде чем она снова заговорила:

— А что, если через сорок пять минут, покинув эту комнату, я больше никогда не буду держать за руку другого парня? А что, если в жизни больше не будет такого, как сейчас? А что, если ребята будут продолжать принимать меня как должное, и я ничего не сделаю, чтобы изменить это? У меня будет много секса, но я никогда не узнаю, как это заниматься любовью?!

— Так не делай этого. Найди себе хорошего парня и занимайся с ним любовью каждую ночь.

Она простонала.

— Это пугает меня. Мне любопытно, в чем разница между сексом и занятием любовью...Но

моя точка зрения на счет отношений не дает возможности это узнать.

Я думаю о ее словах. Странно, но она говорит, как женская версия меня. Не уверен, что она против отношений, как и я, но я никогда не говорил девушке, что люблю ее. И я очень надеюсь, что этого не случится в скором времени.

— Ты действительно никогда не вернешься?

— Я никогда не вернусь.

Я отпустил ее руки и спрыгнул с тумбочки. Встав перед ней, я положил руки напротив нее.

— Давай решим нашу дилемму прямо сейчас?!

— Какую дилемму?

Опустив руки на ее бедра, я притянул ее к себе.

— У нас есть замечательные сорок пять минут, чтобы поработать над этим. Я полностью уверен, что смогу заняться с тобой любовью. Мы узнаем, что это такое и стоит ли это отношений. Таким образом, когда ты отсюда уйдешь, ты не будешь беспокоиться, что не знаешь, что это такое.

Она нервно смеется

— Как ты можешь заниматься любовью, с тем, в кого не влюблен?

Наклонившись вперед, я прошептал ей на ушко:

— Мы притворимся.

Я чувствую, что она задержала дыхание. Прижавшись губами к моей щеке, она прошептала:

— А что, если мы плохие актеры?

Я закрываю глаза, предвкушая тот момент, когда займусь любовью с этой девушкой. В это сложно поверить, но вероятность этого слишком высока.

— Ты должен убедить меня. Если ты это сделаешь, я соглашусь на эту абсурдную идею.

— Договорились.

Сделав шаг назад, я снял свою рубашку и постелил ее на пол. Схватив свою куртку со стойки, я также постелил ее на пол. Затем я вернулся к стойке и потянул ее на себя. Она крепко меня обняла и уткнулась лицом в мою шею.

— Где твоя рубашка? — спрашивает она, обняв меня за плечи.

Я опускаю ее на пол и кладу на спину. Удобно пристроившись, я притягиваю ее к себе.

— Ты лежишь на ней.

— Ах, ты замечательный.

Я подношу руку к ее щеке.

— Именно так поступают влюбленные люди.

Я чувствую на себе ее улыбку.

— Вы влюблены в меня?

— Полностью.

— Почему? Что вы во мне любите?

— Твой смех, — быстро произнес я, не веря, что это сработает, — я люблю твой юмор. Мне нравится, как ты убираешь свои волосы за ушко, когда читаешь. Мне нравится, что ты ненавидишь разговаривать по телефону, так же как я. Я люблю, когда ты пишешь мне милые записочки своим очаровательным почерком. И мне нравится, что ты любишь мою собаку, потому что она тоже тебя любит. Я люблю принимать с тобой душ. Это всегда весело.

Наклонившись, я скольжу рукой от ее щеки к ее затылку, а затем осторожно целую ее.

— Ничего себе. Ты действительно убедителен.

Я ей улыбаюсь и дразню ее:

— Перестань портить атмосферу. Теперь твоя очередь. За что ты меня любишь?

— Я люблю твою собаку, это отличный пес. Я люблю, что ты открываешь и придерживаешь для меня двери. Мне нравится, что ты не делаешь вид, как все остальные, что тебе нравятся черно — белые фильмы, потому что они суший ад для

меня. Мне нравится быть у тебя дома и каждый раз, когда отворачиваются твои родители, ты крадешь мои поцелуи. Больше всего мне нравится ловить твои взгляды на себе. Мне нравится, что ты не отводишь свой взгляд и не стыдишься того, что не можешь прекратить наблюдать за мной. Ты все это делаешь, потому что считаешь, что я самая необыкновенная на свете. Мне нравится то, как сильно ты меня любишь.

— Ты совершенно права, — шепчу я, — я люблю смотреть на тебя.

Я целую ее в губы, а затем прокладываю дорожку поцелуев от ее щеки к подбородку. Я прикоснулся губами к ее уху и, хотя я знаю, что мы только притворяемся, мой рот пересыхает при мысли о словах, которые соскользнули с моих губ. Я не решаюсь сказать что — то еще. Но еще большая часть меня хочет это сказать. Огромная часть меня желает что — то значить для нее, а маленькая частичка меня думает, что, возможно, у меня получилось бы.

Подняв руки, я глажу ее волосы.

— Я люблю тебя, — шепчу я.

Она глубоко вздохнула. Мое сердце готово выпрыгнуть из груди, но я молчу, ожидая ее следующих действий. Я не знаю, что будет дальше. Так же, как и она.

Ее руки медленно скользят с моих плеч к моей шее. Она наклоняет голову к моему уху и шепчет:

— Я люблю тебя больше.

Я чувствую улыбку на ее губах и удивляюсь тому, что точно такая же улыбка сейчас на моем лице. Не знаю, почему я так сильно этим наслаждаюсь, но это так.

— Ты такая красивая, — прошептал я, поднимаясь губами к ее рту, — ты чертовски красива. И каждый из тех парней, кто не заметил этого, полный придурок.

Она сокращает расстояние между нашими губами, и я целую ее, но на этот раз поцелуй более интимный. На короткое мгновение я ощущаю, что действительно люблю все в ней, а она во мне. Мы целовались и прикасались друг к другу, сняв с себя одежду в такой спешке, как будто ощущали, что у нас мало времени насладиться друг другом.

Формально так и есть.

Вытащив бумажник из кармана джинс и, взяв оттуда презерватив, я удобно расположился напротив нее.

— Ты можешь изменить свое решение, — прошептал я, надеясь, что этого не случится.

— Как и ты.

Я засмеялся.

Мы вместе засмеялись.

Не теряя оставшегося время, мы доказывали, что любим друг друга.

• • •

Я стою на коленях и спокойно собираю одежду. После того, как я одел свою рубашку, я тянусь и помогаю ей одеть свою кофту. Я встаю и натягиваю свои джинсы, а затем помогаю ей одеть свои. Я притягиваю ее к себе и прислоняюсь подбородком к ее макушке, осознавая, насколько идеально мы подходим друг другу.

— Я мог бы включить свет, прежде чем ты уйдешь. Разве тебе хоть чуточку не интересно увидеть парня, в которого ты безумно влюблена?

Смеясь, она покачивает головой на моей груди.

— Это все разрушит.

Она поднимает голову и наклоняет ее к моему уху:

— Давай не портить этот момент. Как только мы узнаем друг друга, мы обнаружим что — то, что нам не понравится. Сейчас все прекрасно. Мы всегда будем помнить этот прекрасный момент, когда впервые кого — то любили.

Я снова ее поцеловал, но это не продлилось долго, потому что прозвенел звонок. Она не пыталась высвободиться из моих объятий, а просто положила голову мне на грудь и обняла крепче.

— Мне нужно идти, — прошептала она.

Я закрываю глаза и киваю.

— Я знаю.

Я очень сильно хочу, чтобы она не уходила, зная, что больше никогда ее не увижу. Я готов ее умолять остаться, но в тоже время я знаю, что она права.

Это только ощущение чего — то прекрасного, потому что мы делаем вид, что все это по — настоящему.

Она начинает отходить, и я прислоняюсь к ее щеке в последний раз.

— Я люблю тебя, детка. Подождешь меня после школы, хорошо? На нашем обычном месте.

— Ты знаешь, я буду здесь. И я тоже тебя люблю.

Она встает на цыпочки и прикасается своими губами к моим: жестко, отчаянно и грустно.

Она отстраняется и идет к двери. Как только она собирается открыть ее, я быстро подхожу к ней и закрываю ее. Прижимаясь грудью к ее спине, я наклоняюсь к ее уху.

— Я хочу, чтобы это было по — настоящему.

Положив руку на дверную ручку, я открываю ее. Я отвернулся, когда она выскользнула за дверь. Вздохнув, я запускаю руку в волосы. Мне нужно несколько минут, прежде чем покинуть эту комнату.

Я не уверен, что хочу забыть, как она пахнет. На самом деле, я стою здесь и пытаюсь сохранить в своей памяти все мельчащие подробности, потому что это единственное место, где я когда— либо увижу ее.

Глава 1

Год спустя

— О, Боже мой! — говорю я недовольно. — Расслабься.

Я завел двигатель машины, прежде чем Вэл^[2] села и хлопнула дверью, а затем откинулась на сиденье.

Как только она оказалась внутри машины, я начал задыхаться от резкого запаха ее духов. Я немножечко приоткрыл окно, чтобы она не подумала, что я хочу ее оскорбить. Она знает, как

сильно меня раздражают ее духи. Я не люблю, когда от девушки пахнет так, будто она купается в духах. Но, кажется, мое мнение ее никогда не интересовало, потому что она продолжает выливать на себя целый флакон духов.

— Дениэль, ты такой незрелый, — пробормотала она, наклоняя вниз солнцезащитный козырек. Вытащив свою помаду из сумочки, она подкрасила губы. — Я удивлюсь, если ты когда —нибудь изменишься.

Изменяюсь?

Что, черт побери, она имеет в виду?

— Зачем мне меняться? — спросил я, склонив голову из любопытства.

Вздыхнув, она бросила помаду в сумочку, чмокнула губами и повернулась ко мне.

— Ты хочешь сказать, что тебя устраивает твое поведение?

Что?

Мое поведение? Эта она мне говорит как себя вести? Та самая девушка, которая оскорбила официантку лишь за то, что та просто положила много льда в ее напиток? Seriously, это она учит меня как правильно себя вести?

В течение нескольких месяцев мы постоянно ругались, я не понимаю, почему она ожидает, что, в конце концов, я изменюсь. Она надеется, что я буду кем — то другим, но только не собой.

Размышляя об этом...я все время возвращаюсь к ней. Думаю, она единственная, кто должен измениться. Чтобы побыть хорошей для всех хотя бы раз.

На самом деле, такие люди как она никогда не меняются. Тогда почему же я и Вэл продолжаем тратить время на бессмысленные и изнурительные отношения, если мы даже не нравимся друг другу?

— Не думаю, — ответила она с самодовольным видом, предполагая, что мое молчание было вызвано тем, что я действительно недоволен своим поведением. На самом же деле, мое молчание являлось "моментом ясности", который нужен был мне с того самого дня, как мы познакомились.

Я молчал до тех пор, пока мы не подъехали к ее подъездной дорожке. Я оставил двигатель заведенным, как знак того, что я не планирую провести эту ночь с ней.

— Ты идешь?

Я киваю и смотрю в боковое окно. Я не хочу смотреть на нее, потому что я мужчина, а она

очень красивая девушка. Если я на нее посмотрю, то мой "момент ясности" относительно наших отношений померкнет, и в итоге я окажусь у нее дома в ее кровати, как и всегда.

— Ты не единственный, кто злится, Дениэль. Сегодня вечером ты вел себя нелепо перед моими родителями!

Я медленно выдохнул, успокаивая себя, чтобы не повысить свой голос, несмотря на то, как она себя сейчас ведет.

— Вэл, как я себя веду? На ужине я был такой же, как и всегда.

— Точно. Знаешь, для твоих тупых прозвищ и выходок есть свое место и время и ужин с моими родителями для этого не подходит.

Я разочарованно потираю лицо руками, затем поворачиваюсь и, посмотрев на нее, говорю:

— Вэл, это я, — я указал жестом на себя. — Если тебе все во мне не нравится, то у нас серьезные проблемы. Я не поменяюсь и, откровенно говоря, с моей стороны также не было бы честным просить тебя стать кем — то другим, так чего ты сейчас хочешь от меня? Я не изменяюсь, я никогда не поменяюсь. И знаешь, мне бы хотелось, чтобы ты сейчас же покинула мою машину, потому что от запаха твоих духов меня тошнит.

Ее глаза сузились, она схватила сумку с консоли.

— О, как это мило, Дениэль. Ты оскорбляешь мои духи, чтобы отомстить мне. Знаешь, что я хочу сказать? Ты — воплощение незрелости.

Отстегнув ремень безопасности, она открыла дверь машины.

— Хорошо, что я, по крайней мере, не прошу тебя поменять свои духи, — сказал я насмешливым тоном.

Она качает головой.

— Я не могу больше это терпеть. Мы расстаемся, Дениэль. И на этот раз навсегда.

— Господи, спасибо! — я сказал это достаточно громко, чтобы она услышала.

Дверь закрылась, и она пошла к своему дому. Открыв окно до конца, чтобы выветрить запах ее духов, я выехал на дорогу.

Где, черт побери, Холдер? Если я ни с кем о ней не поговорю, то я, черт возьми, закричу.

• • •

Я залез в окно к Скай. Она сидела на полу, рассматривая фотографии. Взглянув на меня, она улыбнулась.

— Привет, Дениэль.

— Привет, "CheeseTits", — сказал я, плюхнувшись на ее кровать. — Где твой безнадежный жених?

Она кивнула в сторону двери своей спальни: — Они на кухне готовят мороженое. Хочешь немного?

— Нет. Я убит горем для того, чтобы что — то сейчас есть.

Она засмеялась

— Плохой день с Вэл?

— У Вэл отвратительная жизнь. И после сегодняшнего вечера, я, наконец — то, понял, что не хочу быть её частью.

Она нахмурила брови

— Ах, неужели? На этот раз звучит убедительно.

Я пожал плечами

— Мы расстались час назад. Кто они?

Она посмотрела на меня растерянно, поэтому я уточнил свой вопрос: — Ты сказала, что они на кухне готовят мороженое. Кто они?

Скай открыла рот, чтобы ответить, в то время как дверь ее спальни открылась, и Холдер вошел, держа две вазочки мороженого. Позади него стояла девушка с большой чашкой мороженого и

ложкой во рту. Она вытащила ложку из своих губ и, ударив ногой по двери, закрыла ее. Повернувшись к кровати, она остановилась, увидев меня.

Она кажется мне смутно знакомой, но я не могу вспомнить ее. Самое странное то, что она безумна красива. У меня такое чувство, что я знаю, как ее зовут или я где — то ее видел, но я никак не могу это вспомнить.

Подойдя к кровати, она села на противоположный край, не отводя от меня взгляд. Она опустила ложку в мороженое, а потом положила ее обратно в рот.

Не могу отвести взгляд от ложки. Думаю, меня заколдовала эта ложка.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Холдер. К сожалению, я должен оторвать взгляд от девушки с мороженым и посмотреть на Холдера. Подняв фотографии, он уселся на пол рядом со Скай.

— Холдер, я покончил с ней, — я вытянул ноги на кровати, — навсегда. Она спятила.

— Но я думал, что ты ее любишь, — говорит он шутливо.

Я закатил глаза: — Спасибо за сочувствие, Dr. Shitmitten.

Скай забрала у Холдера фотографии.

— Думаю, что на этот раз окончательно. Больше никакой Вэл. Скай попыталась грустно улыбнуться мне, но я знаю, что для нее это облегчение. Вэл никогда не признавала Скай и Холдера. Сейчас я понимаю, что она тоже никогда мне не подходила.

Холдер смотрит на меня с любопытством.

— Расстались навсегда? Правда? — произнес он, явно впечатленный.

— Серьезно, на самом деле.

— Кто такая Вэл? — спросила девочка с мороженым. — Или еще лучше, кто ты такой?

— Ой, это моя вина, — прервала Скай. Она указала сначала на девочку с мороженым, потом на меня. — Шесть, это лучший друг Дина, Дениэль. Дениэль, это моя лучшая подруга, Шесть.

Я никогда не привыкну к тому, что Скай зовет его Дином, но ее представление дает мне повод снова посмотреть на девушку с ложкой во рту. Шесть достала ее из — за рта и указала ею на меня.

— Дениэль, рада с тобой познакомиться.

Интересно, смогу ли я украсть ее ложку, прежде чем она положит ее обратно?

— Почему твое имя мне знакомо?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Возможно, потому что шесть — это достаточно распространенное число? Или ты слышал, что меня называют яростной шлюхой.

Я засмеялся. Не знаю, почему мне смешно. На самом деле, ее слова не такие уж и забавные. Получилось немного неудобно.

— Нет, не это, — говорю я, все еще смущенный тем, что ее имя звучит знакомо. Не думаю, что Скай никогда раньше не упоминала о ней.

— Праздник в прошлом году, — говорит Холдер, заставляя меня перевести на него взгляд. Я уверен, что закатил глаза из — за того, что мне нужно от нее отвернуться, а я не хочу. Я предпочитаю смотреть на нее, нежели на Холдера.

— Вспомнил? Это было на той неделе, когда я вернулся из Остина, за несколько дней до того, как познакомился со Скай. Ночь, когда Грейсон тебя избил из — за того, что ты сказал, будто лишил Скай девственности.

— Ох, ты имеешь в виду ту ночь, когда ты оттащил меня от него, прежде чем я смог надрать ему задницу? — даже мысль об этом все еще

меня раздражает. Я бы мог его побить, если бы Холдер тогда не вмешался и не остановил меня.

— Да, — подтвердил Холдер, — в ту ночь Джексон упомянул что — то о Скай и Шесть, но я тогда не знал, кто это. Думаю, ты там мог услышать это имя.

— Подождите, подождите, подождите, — сказала Скай, размахивая руками в воздухе. — Что ты имел в виду, когда сказал, что Грейсон избил Дениэля за то, что он якобы лишил меня девственности? Что, черт возьми, это значит, Дениэль?

Холдер успокаивающе положил руку на поясницу Скай.

— Все хорошо, дорогая. Он это сказал, чтобы разозлить Грейсона, потому что я собирался надрать задницу этому идиоту за то, как он отзывался о тебе.

Скай смущенно покачала головой.

— Но ты меня не знал. Ты сказал, что это было за несколько дней до того, как мы познакомились. Почему же ты разозлился на Грейсона из — за того, что он говорил всякое дерьмо про меня?

Я посмотрел на Холдера, также ожидая от него ответа. Я никогда об этом не думал, но странно,

что он разозлился на высказывания Грейсона о Скай, когда еще не знал её.

— Мне не понравилось, как он говорил о тебе, — он наклонился и поцеловал Скай в макушку. — Я подумал, возможно, он также говорил о Лесс и это меня разозлило.

Дерьмо. Конечно, я бы тоже так подумал. Сейчас мне действительно жаль, что в ту ночь я не надрал ему задницу.

— Холдер, это так мило, — сказала Шесть. — Ты защитил ее, хотя даже не был с ней знаком.

Холдер засмеялся.

— Ох, ты и половины не знаешь, Шесть.

Скай взглянула на него, и они улыбнулись друг другу, как будто знали какую — то тайну, потом они оба перевели свой взгляд на фотографии, лежащие перед ними.

— Что это? — спросил я, изучая фотографии.

— Для ежегодника, — ответила Шесть. Положив чашку с мороженым рядом с собой, она привстала на ноги и села по — турецки. — Мы должны принести свои детские фотографии для газеты, поэтому Скай выбирает из тех, что дала ей Карен.

— Ты ходишь в ту же школу, что и мы? — спросил я, ссылаясь на то, что она включила себя

в объяснение этого задания. Я знаю, что мы учимся в огромной школе, но я чувствую, что я бы ее запомнил, хотя бы потому, что она лучшая подруга Скай.

— Меня не было в школе целый год. Но я туда вернусь в понедельник. — Она сказала это так, будто не хочет туда возвращаться.

Не могу не улыбнуться ее ответу. Я непротив видеть эту девушку каждый день.

— Значит, ты присоединишься к нашему альянсу в кафе? — наклонившись вперед, я взял мороженое, которое она не доела, и пододвинул к себе, а потом откусил кусочек.

Она смотрит, как я обхватываю губами ложку и вытаскиваю изо рта. Она фыркает носом.

— Ты знаешь, у меня может быть герпес.

Я улыбнулся и подмигнул ей.

— Из твоих уст это звучит привлекательно.

Она засмеялась, в то время как Холдер отнял у меня чашку с мороженым и стянул меня с кровати. Мои ноги ударились о пол, и он толкнул меня к окну.

— Иди домой, Дениэль, — сказал он, отпустив мою рубашку, Холдер вернулся обратно к Скай.

— Что за чертовщина, чувак?

Серьезно, какого черта?

— Она лучшая подруга Скай, — он указал на Шесть. — Тебе не позволено заигрывать с ней. Вы двое все только усложните и станете причиной напряжения, делая странные вещи, а я не хочу этого. А теперь уходи и не возвращайся до тех пор, пока не сможешь находиться рядом с ней, не думая об извращенных мыслях, которые сейчас крутятся у тебя в голове.

Первый раз в жизни я потерял дар речи. Возможно, я должен согласиться с ним, но этот идиот только что совершил самую большую ошибку, какую только мог сделать.

— Черт, Холдер, — застонал я, проведя рукой по лицу. — Почему, ты подошел и сделал это? Ты перешел все границы, чувак, — я подошел к окну и обернулся к нему. — Тебе нужно было сказать мне, что я могу с ней встречаться, тогда, вероятней всего, я не был бы в этом заинтересован. Но тебе необходимо было подойти ко мне и запретить это, не так ли?

— Дениэль, подожди, — сказала Шесть равнодушно. — Мне приятно знать, что ты считаешь меня человеком, а не каким — то вызовом.

Встав с кровати и направившись в сторону окна она посмотрела на Холдера и сказала: — Я и не знала, что у меня есть пятый брат — защитник. — Увидимся позже ребята. Вероятно, мне нужно пойти и так или иначе выбрать до понедельника свои фотографии.

Холдер снова посмотрел на меня, когда я отошел в сторону и позволил Шесть вылезти через окно. Он ничего не сказал, но его молчаливый взгляд предупреждал меня, чтобы я держался подальше от Шесть. Я поднял руки и закрыл окно, когда Шесть оказалась снаружи. Она прошла несколько метров до соседнего дома и начала влезать в окно.

— Ты всегда выбираешь короткий путь через окно или ты не живешь в этом доме? — спросил я, приближаясь к ней. Оказавшись внутри, она повернулась и выглянула из — за окна.

— Это мое окно и даже не думай сюда влезать. Это окно не работало почти год, и я не планирую вновь открывать его для ночных походов, — сказала она, заправив за ухо свои длинные светлые волосы.

Я отступил назад, надеясь, что немного дистанции позволит моему сердцу перестать атаковать стенки моей грудной клетки. Но сейчас, когда Холдер тупо заявил мне держаться от нее

подальше, все чего я хочу, так это найти способ, чтобы она снова открыла свое окно.

— У тебя правда есть четыре старших брата?

Она кивнула. Мне это не нравится, но только лишь потому, что она представляет мне еще четыре причины, почему я не могу с ней гулять. Суммируя это, и то, что Холдер вывел ее за границы дозволенного, я знаю, что она будет единственное, о чем я смогу сейчас думать.

Спасибо, Холдер. Большое спасибо.

Положив подбородок на руки, она смотрит на меня. Снаружи темно, и лишь лунный свет освещает ее лицо. Она похожа на темного ангела. Я знаю, люди не должны использовать такие слова как "проклятый" и "ангел" в одном предложении, но черт... Она действительно похожа на злобного ангелка со светлыми волосами и большими глазами. Я даже не уверен, какого они цвета, потому что на улице темно, и я не уделил этому внимание, когда мы были в комнате у Скай, но какого бы цвета они не были, это теперь мой любимый цвет.

— Ты очень харизматичный.

Боже. Ее голос полностью меня убивает.

— Спасибо. Ты тоже очень красивая.

Она смеется.

— Дениэль, я не говорила, что ты красивый. Я сказала, что ты харизматичный. Есть разница.

— Не очень большая. Тебе нравится итальянская?

Нахмурившись, она отошла на несколько шагов, как будто обиделась: — Почему ты это спросил?

Ее реакция меня смущает. Понятия не имею, почему этот вопрос ее обидел.

— Эм... Тебя раньше никогда не приглашали на свидания?

Перестав хмуриться, она подошла к окну.

— Ох, ты имеешь в виду еду. Если честно, я немного устала от итальянской еды. Я только что вернулась оттуда из семимесячной программы по обмену. Если ты приглашаешь меня на свидание, тогда предпочту суши.

— Я никогда не ел суши — признался я, не в силах поверить в то, что она согласилась пойти на свидание со мной.

— Когда?

Это было слишком просто. Я думал, что она будет возражать и мне придется ее умолять, как это всегда делала Вэл. Мне нравится, что она так не играет. Она непосредственна и мне это нравится.

— Я не могу пригласить тебя сегодня вечером. Одна чокнутая дура разбила мое сердце час назад и мне нужно немного больше времени, чтобы восстановиться после этих отношений. Как насчет завтрашнего вечера?

— Завтра воскресенье.

— У тебя какая — то проблема с воскресеньями?

Она смеется.

— Думаю, что нет. Только кажется странным идти на первое свидание в воскресенье вечером. Тогда, встретимся здесь ровно в семь.

— Я встречу тебя возле входной двери. И если можешь, то не говори Скай, куда идешь, если, конечно, не хочешь, чтобы я получил по заднице.

— Что сказать? — саркастично спросила она. — Что мы случайно оказались на свидании в воскресенье вечером?

Я улыбнулся и медленно пошел к своей машине.

— Было приятно с тобой познакомиться, Шесть.

Она помахала рукой.

— Мне тоже.

Улыбаясь, я направился к своей машине. Я собирался открыть дверь машины, когда она

позвала меня. Я обернулся и увидел, что она выглянула из окна.

— Сочувствую твоему разбитому сердцу, — прошептала она достаточно громко, затем закрыла окно и вернулась в комнату.

Какому разбитому сердцу? Я более чем уверен, что это первый раз, когда мое сердце действительно чувствует облегчение с того самого момента, как я начал встречаться с Вэл.

Глава 2

— Я хорошо выгляжу? — спросил я Чанк, когда зашел на кухню. Обернувшись, она оглядела меня сверху донизу и пожала плечами.

— Допустим. Куда идешь?

Я подошел к зеркалу, которое висело в коридоре, и снова посмотрел на свою прическу.

— На свидание.

Чанк застонала, в то время как я подошел к столу и встал напротив нее.

— Раньше тебя не волновало, как ты выглядишь. Надеюсь, ты не собираешься сделать ей предложение руки и сердца. Я быстрее разведу вас, чем позволю сделать ее моей сестрой.

Мама подошла ко мне и похлопала меня по плечу.

— Дорогой, ты выглядишь замечательно. Но все же, не одевай эти ботинки.

Я посмотрел на свои ботинки.

— Почему? Что не так с моей обувью?

Открыв шкафчик, она достала сковородку и потом повернулась ко мне. Ее глаза снова посмотрели на мои ботинки

— Они слишком блестят, — она повернулась и направилась к плите. — Ботинки никогда не должны выглядеть как неон.

— Они желтые, а не неоновые.

— Желтый неон, — сказала Чанк.

— Я не говорила, что они некрасивые. Но зная Вэл... скорее всего, она возненавидит твои ботинки.

Я подошел к столику и схватил ключи, потом положил телефон в карман.

— Мне наплевать, что подумает Вэл.

Моя мама обернулась и посмотрела на меня с любопытством.

— Хорошо, ты спросил у своей тринадцатилетней сестры, достаточно ли хорошо ты выглядишь для своего свидания, поэтому я предполагаю, что тебе важно мнение Вэл

— Я иду гулять не с Вэл. Мы расстались. Сегодня вечером я встречаюсь с другой девушкой

Руки Чанк взметнулись в воздухе, и она подняла взгляд к потолку

— Господи, благодарю тебя! — провозгласила она.

Мама засмеялась и кивнула.

— Да, слава Богу! — сказала она с облегчением и вернулась к плите. Я не могу оторвать от них взгляд.

— Что? Никому из вас не нравилась Вэл? — я знаю, что Вэл та еще сучка, но мне казалась, что моей семье она нравилась. Даже маме. Честно говоря, я думал, что они расстроятся из — за того, что мы расстались с Вэл.

— Я ее ненавидела, сказала Чанк.

— Боже, я тоже, простонала мама.

— Со мной нас трое, сказал папа, подходя ко мне.

Никто даже не посмотрел на меня. Их ответ прозвучал так, будто они обсуждали это ранее.

— Хотите сказать, что вы все ненавидите Вэл?

Папа посмотрел на меня.

— Дэнни, твоя мама и я учителя психологии. Не удивляйся

Чанк указала рукой на папу: — Я тоже, папочка. Я тоже психолог.

Папа подошел к Чанк и дал ей «пять».

— Молодец, Чанк.

Прислонившись к двери, я посмотрел на них.

— Вы притворялись, что Вэл вам нравится. Какого черта?

Папа сел за стол и взял газету.

— Детям свойственно делать выбор, который не нравится родителям. Если бы мы сказали, как на самом деле относимся к Вэл, вероятно, в конце концов, ты бы женился на ней лишь для того, чтобы нас позлить. Поэтому мы изображали, что она нам нравится.

Идиоты. Все они.

— Я больше никогда не познакомлю вас со своей девушкой.

Папа засмеялся, но не похоже, что он разочарован

— Кто она? — спросила Чанк. — Девушка, для которой ты так стараешься?

— Тебя это не касается. Сейчас, когда я знаю, как поступает моя семья, я не познакомлю ее ни с кем из вас.

Я направился к двери, а моя мама сказала позади меня:

— Ну, если тебе это поможет, то мы уже ее любим! Она милая!

— Она красивая, — сказал папа, — и добрая!

Я покачал головой: — Замолчите.

...

— Опаздываешь, — сказала Шесть, когда я подошел к ее парадной двери.

Выйдя из дома, она повернулась спиной ко мне и вставила ключ в замок.

— Ты не хочешь, чтобы твои родители знали? — мне интересно, почему в этот непоздний час она сама закрывает дверь. Она повернулась, и мы столкнулись лицом к лицу.

— Они пожилые люди. В семь часов они поужинали, а десять минут назад пошли спать.

Голубые. Ее глаза голубого цвета.

Черт возьми, а она милая. Ее волосы светлее, чем я думал, когда мы были прошлой ночью в комнате Скай. Ее кожа безупречна. Эта все та же, вчерашняя девушка, только сегодня более четкая. Я был прав. Она действительно похожа на темного ангела.

Она отошла к дороге, и я закрыл входную дверь, все еще не в силах оторвать от нее глаз.

— На самом деле, я приехал рано, — наконец ответил я на ее первое замечание, — Холдер только что уехал от Скай и я тебе клянусь, что им потребовалась полчаса, чтобы попрощаться. Мне нужно было подождать, пока берег не освободиться

Она положила ключ обратно в карман и кивнула: — Готов?

Я посмотрел на нее сверху вниз.

— Ты не забыла свою сумку?

Она покачала головой.

— Нет. Я ненавижу сумки, — она погладила свой задний карман. — Все, что мне нужно — это ключи от моего дома. Я не стала беспокоиться о деньгах, потому что пойти на свидание было твоей идеей. Ты платишь, верно?

Классно.

Вернемся немного назад и оценим последние тридцать секунд, согласны?

Она ненавидит сумки. Это говорит о том, что она не красится. Что означает, она не будет постоянно наносить этот ужас, как это делала Вэл. Также это означает, что она не выливает на себя целый флакон духов. А также она не планирует предложить оплатить половину ужина, что кажется немного старомодным, но мне это нравится.

— Мне нравится, что ты не носишь сумки.

— Мне нравится, что ты тоже их не носишь, — она усмехнулась.

— Она в моей машине, — я жестом указал в сторону машины.

Засмеявшись, Шесть направилась к ступенькам крыльца. Я собирался последовать за ней, но вдруг увидел Скай в своей комнате, стоящую у окна. Я быстро схватил Шесть за плечи и притянул к себе, опираясь на входную дверь.

— Видишь окно Скай? Она может нас увидеть

Шесть внимательно на меня посмотрела.

— Ты действительно серьезно отнесся к запрету Холдера.

— Я должен, — прошептал я. — Холдер не шутит, когда запрещает мне ходить на свидания.

Шесть вопросительно изогнула брови.

— Холдер всегда говорит тебе, с кем ты можешь гулять, а с кем нет?

— Нет. На самом деле, ты первая.

Она смеется.

— Тогда почему ты думаешь, что он разозлится?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Но сама мысль, о том, чтобы разозлить его кажется забавной. Разве тебе хоть немного не интересно сходить на свидание тайком от Скай?

— Да, — она пожала плечами, — думаю, что да.

Наши спины по—прежнему прижаты к двери и почему — то мы до сих пор перешептываемся. Не думаю, что Скай может услышать нас отсюда, но с другой стороны, перешептываться с ней приятно. Мне нравится, как звучит ее голос, когда она шепчет

— Шесть, у тебя есть предложения, как бы мы могли выйти из этой ситуации?

— Хорошо, — ответила она, задумавшись на мгновение над моим вопросом, — обычно, когда я

пытаюсь сходить на тайное свидание и мне нужно незаметно уйти из дома, я спрашиваю себя: «Что бы сделал МакГайвер^[3]?»

Ох, Боже мой, эта девушка только что упомянула о секретном агенте МакГайвер?

Черт.

Да.

Я отвел от нее взгляд, чтобы скрыть тот факт, что мне кажется, что я начинаю влюбляться в нее, а также, чтобы оценить план нашего побега. Я посмотрел на качели во дворе, а затем, убедившись в том, что с моего лица сошла глупая улыбка, взглянул на Шесть.

— Думаю, что МакГайвер направился бы к твоим качелям и построил силовое поле из травы и спичек. Затем он присоединил бы реактивный двигатель и улетел никем незамеченным. Но, к сожалению, я забыл спички.

Она засмеялась.

— Хмм... — она сощурила глаза, будто у нее появилась блестящая идея. — Какая досада, она посмотрела на мою машину, припаркованную около ее подъездной дорожки, а потом снова взглянула на меня. — Мы могли бы доползти до твоей машины, тогда Скай нас не увидит.

Этот план был бы идеальным, если бы ей не пришлось пачкаться. За те шесть месяцев, что я провел с Вэл, расставаясь и снова мирясь с ней, я понял, что девушки не любят пачкаться

— Ты испачкаешь руки, — предупредил я, — не думаю, что ты захочешь пойти в Суши — бар с перепачканными руками и джинсами.

Она посмотрела на джинсы.

— Я знаю один ресторан, Bar — В — Q, мы могли бы пойти туда. Там пол сделан из скорлупы орехов. Однажды, я там видела сидящего за столиком толстого мужчину без рубашки.

Я улыбаюсь, влюбляясь в нее еще немножко.

— Звучит замечательно

Мы оба падаем на землю и начинаем отползать от ее крыльца. Она засмеялась, и я улыбнулся.

— Тсс... — прошептал я, подползая к краю ступенек. Мы быстро ползем по двору, время от времени поглядывая в сторону дома Скай. Как только мы добрались до машины, я открыл дверь машины. — Забирайся через водительскую дверь. Маловероятно, что так она увидит нас.

Я открыл для нее дверь, и она забралась на переднее сиденье. Вслед за ней я проскользнул в машину и сел на свое место. Мы пригнулись, хотя, думаю, это уже не имеет никакого смысла. Если

бы Скай выглянула в окно, она бы увидела мою машину, припаркованную около дома Шесть. Поэтому неважно, увидела бы она наши головы или нет

Шесть вытерла руки о свои джинсы, впечатлив меня этим жестом. Повернувшись, она посмотрела на меня, в то время как я все еще продолжаю смотреть на грязное пятно на ее джинсах. Оторвав свой взгляд, я посмотрел на нее.

— В следующий раз, когда ты приедешь за мной, спрячь свою машину. Это слишком рискованно.

Мне нравится ее замечание.

— Уверена, что следующий раз будет? — я ухмыльнулся. — Наше свидание только начинается.

— Верно подмечено, — она пожала плечами. — Может, к концу свидания я тебя возненавижу.

— Или я тебя возненавижу.

— Это невозможно, — она положила ноги на приборную панель, — я не ненавистная.

— Не ненавистная, — такого слова даже не существует.

Она оглянулась назад через свое плечо, а затем повернулась обратно с угрюмым взглядом.

— Почему здесь пахнет так, как будто тут побывал целый гарем шлюх?

Она натянула блузку до носа, чтобы перебить запах.

— Все еще пахнет духами? — я ничего не чувствую. Возможно, этот запах уже проник в мои поры, и я выработал к нему иммунитет

Она кивнула.

— Это ужасно, — ее голос приглушен блузкой, — открой окно, — она имитирует рвоту и это меня веселит.

Я завел машину и выехал на дорогу

— Если ты откроешь окно, ветер испортит твою прическу. Ты не взяла сумку, а значит у тебя нет расчески, следовательно, когда мы приедем, ты не сможешь причесаться.

Она до конца открыла окно со своей стороны.

— Я уже грязная и лучше я буду лохматой, чем от меня будет пахнуть как от шлюхи.

Свежий воздух наполнил салон машины, и ее волосы разлетелись в разные стороны. Откинувшись на сидение, она расслабилась.

— Намного лучше, — глубоко вздохнув, она закрыла глаза.

Я стараюсь не отвлекаться от дороги, но это чертовски сложно.

• • •

— Как зовут твоих братьев? И какая ты по счету?

— Закари, Майкл, Аарон и Эван. Я на десять лет младше самого младшего.

— Твои родители не планировали больше иметь детей?

Она кивнула.

— Моей маме было сорок два, когда я родилась. Никто не ожидал, что будет девочка, но все очень обрадовались, когда на свет появилась я.

— Я рад, что родилась девочка.

Она засмеялась.

— Я тоже.

— Почему тебя называли Шесть, если ты пятый ребенок в семье?

— Шесть — это не мое имя. Мое настоящее имя — Семь Мари Джейкобс. Когда мне было четырнадцать, мы переехали в Техас. Рассердившись на них за это, я стала называть себя Шесть. Я делала это лишь для того, чтобы позлить их. На самом деле, это было не так важно, но я была упрямой и не сдавалась. Теперь все

зовут меня Шесть, за исключением моих родителей.

Мне нравится, что она сама выбрала себе прозвище. Мой тип девушек.

— Вопрос тот же. Почему тебя называли Семь, если ты была пятым ребенком?

— На самом деле, особых причин нет. Просто моему отцу нравится это число.

Кивнув, я взял кусок еды и внимательно на нее посмотрел. Я жду этого момента. Момента, когда ты думаешь, что девушка идеальна и вдруг одним движением или словом она все портит. Это случается тогда, когда девушки начинают говорить о бывших возлюбленных или упоминают о том, сколько детей хотят или делают что— то, что начинает тебя раздражать, например, красят губы во время ужина.

Я терпеливо жду, когда же выявятся недостатки Шесть, но до сих пор не могу найти ни один.

Конечно, мы общаемся только три или четыре часа, поэтому ее недостатки могут быть зарыты глубже, чем у других.

— Значит, ты средний ребенок? — спросила она. — Ты страдаешь «синдромом среднего ребенка»?

Я качаю головой.

— Наверное, примерно настолько же, насколько ты страдаешь «синдромом пятого ребенка». К тому же, Ханна на четыре года старше меня, а Чанк на пять лет младше меня, так что у нас большая разница в возрасте.

Засмеявшись, она подавилась напитком.

— Чанк? Твою сестричку зовут Чанк^[4]?

— Все ее зовут Чанк. Она была полненькой.

Она смеется.

— Ты всем даешь прозвища. Скай ты называешь CheeseTits, а Холдера «Безнадежным». Как ты меня назовешь, когда меня не будет рядом?

— Если я даю людям прозвища, я индивидуализирую их. И я еще не придумал тебе кличку, — откинувшись на спинку стула, я задался вопросом, почему же я до сих пор никак её не прозвал. Обычно, я быстро придумываю людям прозвища.

— Это плохо, что ты не дал мне еще прозвища?

Я пожал плечами.

— На самом деле, нет. Я все еще пытаюсь понять тебя, вот и все. Ты немного противоречива.

Она вопросительно изогнула брови.

— Я противоречивая? В чем?

— Во всем. Ты невероятно красива и тебя совсем не волнует, как ты выглядишь. Ты кажешься милой, но я чувствую, что в тебе сочетается идеальная смесь добра и зла. Ты кажешься спокойной и ты не из тех, кто играет с парнями, но ты достаточно кокетлива. Я не сужу, это всего лишь мое наблюдение. Я знаю, какая у тебя репутация. И без сомнения, ты не тот человек, которому нужно внимание людей лишь для того, чтобы повысить свою самооценку.

Выражение ее лица задумчивое, поскольку она обдумывает все то, что я только что сказал. Взяв стакан, она сделала один глоток. Она допила свой напиток, но задумавшись над моими словами, так и не убрала стакан от своих губ. В конце концов, она поставила стакан обратно и посмотрела на тарелку.

— Я больше не такая, — ответила она тихо, избегая моего взгляда.

— Какая? — мне не нравится ее грустный голос. Почему я всегда говорю всякие глупости?

— Я не та, которой раньше была.

Так держать, Дениэль. Ты идиот.

— Хорошо, я не знал тебя раньше и все, что я могу сделать — это рассуждать о девушке, которая сейчас сидит напротив меня. И до сих пор наше свидание было чертовски великолепным.

Улыбка снова появилась на ее губах.

— Это хорошо. Я не знала, каким будет это свидание, поскольку это первое свидание в моей жизни.

Я смеюсь.

— Не нужно завышать мою самооценку. Я могу справиться с той мыслью, что я не первый, кто тебя заинтересовал.

— Я серьезно. Я никогда раньше не была на свиданиях. Обычно, парни пропускали эту часть, стремясь быстрее получить от меня то, что действительно хотели.

Моя улыбка исчезла. По ее выражению лица я вижу, что она говорит на полном серьезе.

Наклонившись вперед, я посмотрел на нее с твердостью во взгляде.

— Эти парни были чертовски глупы.

Она смеется, но мне не смешно

— Я серьезно, Шесть. Всем тем парням нужен хороший пинок под зад, потому что разговоры с тобой во время ужина — это лучшая часть в тебе

Как только я произнес это, ее улыбка померкла. Она посмотрела на меня так, будто никто не

делал ей настоящих комплиментов. Это меня раздражает.

— Откуда ты знаешь, что это лучшая часть во мне? — в ее голосе вновь появились кокетливые нотки. — Ты еще не целовал меня. Я не уверена, что это лучшая часть во мне, потому что я потрясающе целуюсь.

Иисус Христос. Не знаю, было ли это приглашение, но мне очень хочется посодействовать ей в этом.

— Я не сомневаюсь в том, что ты фантастически целуешься, но если бы мне пришлось выбирать, я бы предпочел ужин и беседы с тобой, нежели поцелуи в любой день.

Она сощурила глаза.

— Это полная чушь, — в ее голосе слышится вызов, — не может быть такого, чтобы кто — то выбрал ужин и разговоры вместо хорошей сессии поцелуев.

Я попытался взглянуть на нее вызывающе, но она привела хороший довод.

— Хорошо, — признался я, — возможно, ты права. Но тогда бы я выбрал поцелуи во время ужина с тобой. Лучшее из двух миров.

Она впечатлено кивнула.

— Ты хорош, — откинувшись на спинку стула, она скрестила руки на груди. — Где ты научился такой находчивости?

Вытерев рот салфеткой, я положил ее поверх своей тарелки и уперся локтями о край стола.

— Во мне нет находчивости. Просто я харизматичный. Помнишь?

Улыбнувшись, она покачала головой, как будто знала, что попала в беду. Её глаза улыбаются. Я понимаю, что никогда не ощущал себя так с другими девушками. Не думаю, что мы влюбляемся друг в друга или, что мы родственные души или что— то подобное. Просто я никогда не был с девушкой, с которой мне на самом деле было комфортно. С Вэл я всегда старался изо всех сил не разозлиться на нее. С другими же девушками мне приходилось сдерживать себя, дабы не наговорить всякого дерьма, которое мне хотелось им высказать. Я всегда считал, что не всегда с девушкой тебе комфортно, потому что первое впечатление может быть обманчиво.

Без сомнений, Шесть совершенно другая. Она понимает мое чувство юмора и меня самого, я чувствую, что ей нравится это во мне. Я чувствую, что нравлюсь ей и каждый раз, когда она улыбается или смеется, мне хочется стукнуться с ней кулаками.

— Ты на меня смотришь, — сказала Шесть, прерывая мои мысли.

— Так и есть, — я даже не попытался отвести от нее взгляд.

Она внимательно смотрит на меня, но в ее поведении и выражении видно нарастающее соперничество. Сощутив глаза, она наклонилась вперед. Ничего не говоря, она бросила мне вызов в «гляделки».

— Не моргай, — она подтвердила мои мысли.

— И не смейся.

Достаточно долго мы смотрели друг на друга в полной тишине. Мои глаза заболели, и поэтому я сжал руками стол. Я изо всех сил стараюсь удержать на ней свой взгляд, но мне хочется изучить ее досконально. Я хочу посмотреть на ее рот и пухлые розовые губы, хочу полюбоваться ее мягкими и шелковистыми светлыми волосами. Я уже и не говорю о ее улыбке. Я могу любоваться ее улыбку целый день.

В самом деле, я рассматривал ее сейчас. Наверное, это означало, что я только что проиграл в «гляделках».

— Я выиграла, — она сделала глоток воды.

— Я хочу тебя поцеловать, — говорю я ей это напрямую. Я немного удивлен, что сказал это

вслух. Я достаточно нетерпелив и мне очень хочется ее поцеловать, и обычно я говорю то, что думаю.

— Сейчас? — поставив стакан на стол, она посмотрела на меня как на сумасшедшего

Я кивнул.

— Да. Сейчас. Я хочу поцеловать тебя во время ужина и бесед, чтобы получить лучшее из двух миров.

— Но я только что съела лук.

— Я тоже.

Она подвигала челюстью взад и вперед, обдумывая ответ.

— Хорошо, — она пожала плечами, — почему бы и нет?

Как только она разрешила мне это, я оглядел наш столик, задаваясь вопросом, как же лучше мне сделать это. Я мог бы подойти и сесть рядом с ней, но это может быть вторжением в ее личное пространство. Отодвинув свой стакан влево, я наклонился вперед.

— Иди сюда, — я положил руки на стол и еще немного наклонился. Она, должно быть, подумала, что я шучу. Она нервно оглядела все вокруг,

понимая, что наш первый поцелуй произойдет на публике.

— Дениэль, это неудобно. Ты действительно хочешь, чтобы наш первый поцелуй был на глазах у всего ресторана?

Я киваю.

— Почему неудобно? Позже мы порепетируем. Во всяком случае, люди слишком много возлагают на первый поцелуй

Она неуверенно положила руки на стол и медленно наклонилась вперед.

— Ладно, — вздохнула она, — но было бы лучше, если бы ты подождал до конца нашего свидания. Ты проводишь меня до двери, где будет темно и, нервничая, ты бы мог случайно коснуться моей груди. Вот такими должны быть первые поцелуи.

Я смеюсь над ее словами. Мы все еще недостаточно близко, чтобы я мог ее поцеловать, но мы потихоньку приближаемся друг к другу. Я еще немного наклонился вперед, но вдруг, она перевела свой взгляд, и сосредоточились на столике позади меня.

— Дениэль, женщина позади тебя только что поменяла подгузники своему ребенку. Мы собираемся поцеловаться и последнее, что я хочу

увидеть перед тем, как твои губы коснуться моих — это женщина, вытирающая попу своему ребенку.

— Шесть, посмотри на меня, — она взглянула на меня, и мы, наконец, оказались достаточно близко, чтобы я мог ее поцеловать. — Не обращай внимания на это. Так же не обращай внимания на двух мужчин слева от нас, которые пьют свое пиво и смотрят, как я наклоняюсь к тебе.

Она взглянула влево, я взял ее за подбородок, обращая ее внимание на себя.

— Игнорируй всех. Я хочу поцеловать тебя, и мне хочется, чтобы ты тоже этого хотела. Я не желаю ждать до тех пор, пока я провожу тебя до крыльца. Мне еще никогда не хотелось так сильно кого — то поцеловать.

Забыв обо всем, что нас окружает, она посмотрела на мои губы, и в предвкушении облизала свои. Я провел рукой от ее подбородка к ее затылку и наклонил ее голову вперед до тех пор, пока наши губы не встретились.

И, черт побери, они встретились. Наши губы сливаются воедино, как будто мы были влюбленными, которые встретились в первый раз за долгие годы разлуки. Мой желудок чувствует себя так, будто он проклят, а мой мозг пытается вспомнить, как это делается. Похоже, я забыл, как

целоваться, вопреки тому, что прошел всего один день с тех пор, как я расстался с Вэл. Я уверен, что еще вчера мы с Вэл целовались, но по какой — то причине мой мозг ведет себя так, будто это было впервые и он подсказывает мне, что я должен разъединить наши губы или подразнить ее языком, но сигналы все еще не поступили в рот. Или мой рот игнорирует это, потому что он парализован мягким теплом, прижатым к нему.

Не знаю, что происходит, но я еще никогда не целовался с девушкой так долго, не дыша и не шевелясь, или не углубляя поцелуй.

Я вздыхаю, несмотря на то, что я не дышал почти минуту. Ослабив свою хватку на затылке Шесть, я медленно отстранил свои губы от её. Я открыл глаза, в то время как ее все еще были закрыты. Ее губы не шевелились, а вздохи были короткими и спокойными.

Не знаю, ожидала ли она большего от этого поцелуя. Не знаю, был ли у нее поцелуй, который длился больше минуты. И я не знаю, о чем она думает, но выражение ее лица меня зачаровывает.

— Не открывай глаза, — прошептал я, не в силах оторвать от нее своего взгляда. — Дай мне еще десять секунд полюбоваться тобой. Сейчас ты очаровательна.

Она прикусила нижнюю губу, пряча свою улыбку. Моя рука по — прежнему лежит у нее на затылке, и я мысленно начал отсчет до десяти, когда услышал официантку:

— Готовы оплатить?

Я поднял один палец, прося ее дать нам еще одну секунду. Ладно, если честно пять секунд. Шесть не пошевелилась даже тогда, когда услышала официантку. Я не торопясь досчитал про себя до десяти, и Шесть медленно открыла глаза, посмотрев на меня.

Удерживая ее взгляд, я немного отодвинулся назад.

— Да, пожалуйста, — ответил я официантке.

Я услышал, как она оторвала чек и резко положила его на стол между нами. Улыбнувшись, Шесть засмеялась. Она отодвинулась назад и откинулась на спинку стула.

Вздохнув, я ощутил, что воздух наполнился чем — то новым.

Я медленно сел обратно, наблюдая, как она смеется. Она пододвинула чек ко мне.

— Ты пригласил.

Вытащив из кармана кошелек, я положил деньги на чек. Поднявшись, я протянул руку Шесть. Она

улыбнулась и взяла меня за руку. Когда она встала, я обнял ее за плечи и притянул к себе.

— Ты скажешь мне, что этот поцелуй был удивительным или просто промолчишь?

Смеясь, она покачала головой.

— Это был даже ненастоящий поцелуй. Ты даже не попытался исследовать мой рот своим языком.

Открыв дверь, я пропустил ее вперед.

— Я не хотел засовывать свой язык тебе в рот. Мои поцелуи впечатляющие. Мне даже не нужно для этого делать что — то еще. Единственная причина, по которой я отстранился, было то, что я был уверен, что мы собирались испытать классический момент, как в фильме «Когда Гарри встретил Салли».

Она снова засмеялась.

Боже, мне нравится, что она считает меня веселым.

Я открыл для нее дверь машины, она остановилась, прежде чем сесть и посмотрела на меня.

— Ты понимаешь, что в той классической сцене, Салли доказала то, как легко женщина может симитировать оргазм?

Боже, мне нравится ее чувство юмора.

— Я уже должен отвезти тебя домой?

— Зависит от того, что ты сейчас имеешь в виду.

— Ничего, правда. Только то, что не хочу отпускать тебя. Около моего дома есть парк, мы могли бы там погулять. Там есть игровая площадка.

Она улыбнулась.

— Давай поедим туда, — сказал она, подняв вверх кулак.

Я не принужденно поднял вверх свой кулак и ударил ее. Она села в машину, и я закрыл дверь, растерянный от того, что она так просто ударила своим кулаком о мой.

Девушка только что ударилась своим кулаком о мой, и это, наверное, была самая горячая вещь в моей жизни.

Обойдя машину, я открыл дверь и сел. Прежде чем завести машину, я повернулся и посмотрел на нее.

— На самом деле ты парень?

Изогнув вопросительно бровь, она отдернула воротник блузки и быстро взглянула на свою грудь.

— Нет. Я уверена в том, что я девушка.

— Ты с кем — нибудь встречаешься?

Она качает головой.

— Ты завтра уезжаешь в другую страну?

— Нет, ответила она, смущаясь от моих вопросов.

— Какая у тебя проблема?

— Что ты имеешь в виду?

— У всех есть какие — то проблемы, но я никак не могу понять твою. И знаешь, эта проблема, в конце концов, все испортит, — я завел машину и поехал. — Я хочу узнать о ней сейчас. Мое сердце не может вынести этих маленьких тайн, которые сводят меня с ума.

Ее улыбка изменилась. Теперь это не искренняя улыбка, а оборонительная.

— У всех у нас есть проблемы, Дениэль. Некоторые из нас надеются, что смогут всегда держать их в тайне.

Она опустила окно, и из — за ужасного шума мы не можем продолжить наш разговор. Я почти уверен, что запах духов уже выветрился, поэтому мне интересно, почему она открыла окно на этот раз, неужели из — за потребности в шуме?

...

— Ты всех сюда приглашаешь на свидания?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я обдумал его.

— Иногда, — заключил я, вспоминая все свои свидания. — Однажды я гулял с девушкой, из одиннадцатого класса, но во время свидания у нее разболелся желудок, и она ушла домой. Думаю, что она единственная, кто не приходил сюда

Качаясь на качелях, она намеренно задевает каблуками землю. Я стою позади нее. Повернувшись ко мне, она спросила:

— Серьезно? Ты только одну сюда не пригласил?

Пожав плечами, я кивнул.

— Да. Но никто из них тут не играл. Обычно мы целовались.

Мы были здесь уже полчаса, и за это время она уже повисела на перекладине, я раскачивал ее на карусели, а последние десять минут я раскачивал на качелях. Но я не жалею. Это приятно. Очень приятно.

— В следующий раз ты будешь здесь сексом заниматься?

Не знаю, как реагировать на такой откровенный вопрос. Я никогда не встречал кого— то, кто задавал бы мне подобные вопросы, поэтому у меня появилось сочувствие и симпатия к людям, которых я поставил в такое же затруднительное положение. Я оглядел парк и увидел импровизированный деревянный замок.

— Видишь замок?

Она повернулась и посмотрела на замок.

— Ты занимался сексом там?

Я засунул руки в задние карманы джинс.

— Да.

Она встала и направилась к замку.

— Что ты делаешь?

Не знаю, почему она направляется к замку, но я почти уверен, что это не потому, что она странная или хочет заняться там сексом, как это сделали мы с Вэл две недели назад.

Тогда что она делает?

Боже, надеюсь, что она не...

— Я хочу увидеть то место, где ты занимался сексом, — ее голос звучит равнодушно. — Пойдем, покажешь.

Эта девушка меня смущает. Но мне это чертовски нравится. Я догоняю ее. Мы подошли к замку. Она посмотрела на меня выжидающе, и я указал на дверь.

— Прямо там.

Подойдя к двери, она заглянула внутрь. Осмотревшись, она вышла.

— Выглядит действительно неудобно.

— Так и было.

Она смеется.

— Если я тебе кое — что расскажу, обещаешь меня не судить?

Я закатил глаза:

— Судить — это человеческая натура.

Она глубоко вздохнула, а потом выдохнула.

— У меня был секс с 6 разными парнями

— Одновременно?

Она ударила меня по руке.

— Прекрати. Я пытаюсь быть честной с тобой. Мне только восемнадцать и девственность я потеряла, когда мне было шестнадцать. У меня не было секса почти год, и получается, что за пятнадцать месяцев у меня было шесть парней. С

каждым из них я была примерно по два с половиной месяца. Только шлюхи так себя ведут.

— Почему у тебя не было секса почти год?

Она закатила глаза и пошла вперед. Я последовал за ней. Подойдя к качелям, она снова села на них. Я сел рядом и развернулся так, чтобы видеть ее, но она смотрела куда — то вдаль.

— Почему ты не занималась сексом почти год? — снова спросил я. — В Италии тебе никто не понравился?

Я не вижу выражения ее лица, но язык ее тела подсказывает мне, что было кое — что еще. Нечто, что все меняло для меня.

— Был один парень в Италии, — сказала она тихо, — но я не хочу говорить о нем. И да, поэтому у меня не было секса почти год, — она быстро взглянула на меня. — Послушай, я знаю, что моя репутация опережает меня, и может быть, именно поэтому ты меня сюда привез или потому, что ты ожидаешь, что это произойдет к концу свидания, но знай, я больше не та девушка.

Я поднял ноги, раскачивая качели.

— Единственное, что я хотел от тебя в конце свидания — это поцелуй на крыльце. И может быть, я бы случайно дотронулся до твоей груди.

Она не засмеялась. И вдруг я возненавидел себя за то, что привел ее сюда.

— Шесть, я привез тебя сюда, не потому, что хочу получить от тебя что — то. Да, я приводил сюда других девушек, но только потому, что я живу на противоположной улице и часто сюда прихожу. Может быть, я приводил их сюда потому, что хотел уединиться с ними, пока мы целовались, но это было проблематично. Я не желал с ними разговаривать, я хотел только целоваться, они вечно раздражали меня. Но тебя я сюда привел потому, что все еще не готов отвезти тебя домой. И даже не потому, что мне хочется целоваться с тобой, а потому, что мне нравится с тобой разговаривать.

Я закрыл глаза, жалея о сказанном. Я знаю, девушкам нравятся парни, которые строят из себя безразличных идиотов. Обычно я чертовски хорош по этой части, но только не сШесть. Возможно потому, что обычно я безразличен ко всем. Но она мне интересна, любопытна и я ей увлечен.

— Какой дом твой?

Я показал на другую сторону улицы.

— Этот, — я указал на дом, в котором был включен свет в гостиной.

— Серьезно? — спросила она, с истинным интересом. — Твоя семья дома?

Я кивнул.

— Да, но я не буду тебя с ними знакомить. Они глупые вруны и я сказал им, что никогда не приведу тебя с ними знакомиться.

Я почувствовал на себе ее взгляд.

— Ты сказал им, что никогда не пригласишь меня в гости, чтобы познакомиться с ними? Ты уже упоминал обо мне?

Я посмотрел на нее:

— Да, возможно я упоминал о тебе.

Она улыбнулась.

— Какая твоя комната?

— Первое окно слева. Комната Чанк — правое окно, там, где горит свет.

Она снова встала.

— Твое окно закрыто? Я хочу посмотреть, как выглядит твоя комната.

Боже, она любопытна.

— Я не хочу, чтобы ты видела мою комнату. Я не готов. Там не убрано.

Она направилась к дому.

— В любом случае, я уже иду туда.

Склонив голову, я простонал, а потом встал и пошел за ней к дому.

— Это невероятно, — говорю я, когда мы пошли к моему окну. Она надавила ладонью на стекло и подняла его вверх. Оно не поддалось, поэтому я отодвинул ее в сторону и сам открыл окно. — Я никогда не влезал тайком в свою комнату. Бывало, я незаметно уходил, но никогда так не входил.

Она начала залезать на карниз, я обнял ее за талию и помог ей. Перекинув ногу через окно, она проскользнула внутрь. Я залез за ней. Подойдя к туалетному столику, я включил ночник. Быстренько осмотрев комнату, чтобы убедиться, что нет ничего того, чтобы я не хотел, чтобы она увидела, я закинул пару боксеров под кровать.

— Я их видела, — прошептала она. Она направилась к моей кровати и провела рукой по матрасу, потом она выпрямилась. Она медленно оглядела комнату, досконально изучая ее. Я чувствую себя странно, как будто она меня сканирует.

— Мне нравится твоя комната.

— Это только комната.

Она покачала головой:

— Нет, это больше, чем комната. Ты тут живешь. Здесь ты спишь. Здесь ты можешь уединиться. Это больше, чем просто комната.

— Сейчас я не чувствую, что могу здесь уединиться, — я наблюдаю, как она проводит рукой по моей мебели. Она обернулась ко мне.

— Какая вещь в этой комнате таит самый большой секрет в твоей жизни?

Я задыхаюсь от смеха.

— Я тебе этого не скажу.

Она кивнула.

— Я права. У тебя есть секреты.

— Я никогда не говорил, что у меня их нет.

— Расскажи мне один, — просит она. — Только один.

Я отдам ей все, если она и дальше так будет на меня смотреть. Она чертовски очаровательна. Я медленно подошел к ней, и она вздохнула. В паре сантиметров от нее я остановился, кивком головы указывая на кровать:

— Я никогда не целовался с девушками на своей кровати, — прошептал я.

Она взглянула на кровать, а потом на меня.

— Надеюсь, ты действительно не думаешь, что я поверю, будто бы ты никогда не целовался в своей комнате с девушкой.

Я засмеялся.

— Я не говорил этого. Я сказал, что никогда не целовался с девушкой на своей кровати. Я с тобой честен, потому что этот матрас новый. Мы его купили на прошлой неделе.

Ее взгляд меняется. Ее грудь тяжело вздымается и опускается. Ей нравится наша близость, и ей нравится, что я намекаю на то, что хочу целовать ее на своей кровати.

Она взглянула на кровать.

— Ты сказал, что хочешь поцеловать меня на своей кровати?

Я наклонился и прошептал ей на ухо:

— Ты сказала, что позволишь мне это?

Ее дыхание участилось. Мне нравится, что мы оба чувствуем это. Я хочу целоваться с ней на своей кровати. Я хочу этого даже больше, чем я хотел эту чертову кровать. Я хочу ее поцеловать. Не важно где. Я буду целовать ее в любом месте, где она мне это позволит.

Я положил руки ей на бедра и притянул ее к себе. Тяжело дыша, она положила руки мне на

плечи. Мои пальцы гладят ее бедра, и я прислонялся своей щекой к ее. Мои губы слегка касаются ее уха, я закрыл глаза, наслаждаясь этим чувством.

Мне нравится, как она пахнет. Мне нравится, как я себя чувствую рядом с ней. И хотя мы по — настоящему еще не целовались, мне уже нравится, как она целуется.

— Дениэль, — быстро пошептала Шесть, уткнувшись мне в плечо. — Ты можешь сейчас отвезти меня домой?

Я вздрагиваю от ее слов, не понимая, что я сделал не так.

— Ты не сделал ничего плохого, — ее слова успокоили нарастающее во мне беспокойство. — Просто мне пора домой.

Ее голос мягкий и сладкий, и я внезапно возненавидел каждого ее бывшего парня, который когда — либо узнавал эту сторону в ней.

Не отпуская ее, я повернулся лицом к ней, пока мой лоб слегка не коснулся ее головы.

— Ты его любишь? — спросил я, позволяя моему блестящему уму окончательно разрушить этот момент между нами.

— Кого?

— Того парня из Италии. Тот, который причинил тебе боль. Ты его любишь?

Она уткнулась головой в мое плечо. Мне интересно, почему она себя так ведет, почему она не может ответить на этот вопрос. Эти недомолвки порождают во мне разные мысли. Я хочу узнать, любит ли она его. Даже, если они вместе. Даже, если они общаются.

Тем не менее, я ничего не говорю. Если бы это было правдой, она не была бы здесь со мной. Положив руку на ее затылок, я поцеловал ее в макушку.

— Пойдем, я отвезу тебя домой.

• • •

— Спасибо, что пригласил меня на ужин, — сказала Шесть, когда мы подошли к ее крыльцу.

— На самом деле, ты не оставила мне выбора. Ты вышла из дома без единого гроша, а потом подсунула мне счет.

Смеясь, она отперла замок, но не открыла дверь. Она обернулась и посмотрела на меня из — под длинных густых ресниц. Я борюсь с искушением дотянуться и потрогать их.

Поцеловать ее во время ужина было спонтанным решением, но я был уверен, что поцеловав ее, мне станет легче.

Это не так.

Теперь мне еще больше хочется ее поцеловать. Однажды ощутив, как приятно с ней целоваться, мне хочется наслаждаться этим вечно

Я начал наклоняться к ней, когда она прошептала:

— В этот раз ты будешь использовать язык?

Расстроившись от ее замечания, я зажмурился и отступил назад. Застонав, я потер лицо руками.

— Черт побери, Шесть. В тот момент я чувствовал себя неловко. Сейчас же ты разрушила все мои ожидания.

Когда я снова на нее посмотрел, она улыбалась.

— Ох, определенно я кое — что ожидаю, — говорит она шутя. — Я надеюсь, что этот поцелуй будет потрясающим, так что тебе стоит постараться.

Вздыхнув, я спросил себя, можно ли тот момент восстановить. Сомневаюсь в этом.

— Я не буду тебя сейчас целовать.

Она кивнула.

— Нет, ты сделаешь это.

Я скрестил руки на груди.

— Нет, не буду. Ты только что разрушила все мои надежды.

Она подошла ко мне и положила свои руки между моими скрещенными, раскрывая их.

— Дениэль Уэсли, ты заставил меня целоваться с тобой в переполненном ресторане, и вдобавок ко всему, там еще были грязные пеленки.

— Не так уж и много народу там было.

— Обними меня за талию, прижми к стене и поцелуй меня, исследуя мой рот языком! Сейчас же!

Я нежно взял в руки ее лицо, прижал ее спину к двери и накрыл ее губы своими. Все произошло так быстро, что застигнутая врасплох Шесть, задыхаясь, раскрыла губы шире, чем хотела. Как только я дотронулся кончиком своего языка до ее, она схватила меня за рубашку и притянула ближе к себе.

Наклонив голову, я углубил поцелуй, желая передать ей через него все свои чувства.

На этот раз мой рот не забыл, как действовать. На этот раз я не могу вспомнить, как уменьшить скорость. Ее руки зарылись в моих волосах, и если она еще раз простонет в мой рот, я боюсь, что наше свидание закончится на заднем сидении моей машины.

Я не могу это сделать. Не могу, не могу, не могу. Это девушка чертовски мне нравится, и будь я проклят, если на нашем первом свидании я уже думаю о следующем. Я уперся руками о дверь позади нее и заставил себя отойти от нее.

Мы оба тяжело дышали. Задыхались. Никогда раньше я не дышал так тяжело после поцелуя. Ее глаза закрыты. Мне нравится, что она не сразу открывает их после моего поцелуя. Мне нравится думать, что я заставляю ее себя так чувствовать. Я тоже наслаждаюсь ею

— Дениэль, — прошептала она.

Я застонал и прижался лбом к её лбу, поглаживая ее щеку пальцами.

— Ты заставляешь меня любить свое имя.

Она открыла глаза, и я шагнул назад, любуясь ею, все еще поглаживая ее щеку. Она смотрит на меня так же, как я на нее. Как будто мы не можем поверить нашей удаче.

— Было бы лучше, если бы ты не был таким идиотом.

— Было бы лучше, если бы ты покончила с этим парнем из Италии.

Она кивнула.

— Я уже это сделала, — говорит она, хотя ее глаза, кажется, говорят о другом.

Я пытаюсь не думать об этом. Что было, то было. Сейчас это не важно. Сейчас она со мной. И она счастлива. Я это чувствую.

— Было бы лучше, если бы ты не возвращался к девушке, которая вчера разбила тебе сердце.

Я качаю головой.

— Никогда. Не после этого. Не после тебя.

Мой ответ ее успокоил.

— Это ужасно, — прошептала она. — У меня никогда не было парня. Я не знаю, как это. Как быстро люди становятся парами? Должны ли мы притворяться еще несколько свиданий, что не сильно заинтересованы друг в друге?

Ох, Боже мой.

Я никогда не был с девушкой, которая заявляет на меня свои права раньше меня. Обычно, все наоборот. С каждым словом, она ломает все мои стереотипы.

— Я не могу притворяться, что не заинтересован тобой. Если ты хочешь быть моей девушкой настолько же сильно, насколько этого хочу я, тогда ты избавишь меня от попыток мольбы перед

тобой. Я готов пасть перед тобой на колени и просить об этом.

Шесть игриво закатила глаза.

— Нет, это не мольба. Это кричит твое отчаяние.

— Ты доводишь меня до отчаяния, — я снова коснулся своими губами ее. Мне хочется, чтобы этот поцелуй был легким, но вместе с тем я борюсь с желанием снова взять ее лицо в свои руки и прижать ее к стене. Остановив поцелуй, мы смотрим друг на друга. Мы долго изучаем друг друга, и я думаю о том, что она заколдовала меня, потому что мне еще никогда не хотелось так сильно любоваться ни одной девушкой, как ею. Просто любуясь ею, мое сердце начинает полыхать, а моя грудь сжиматься. Меня пугает это, едва зная друг друга, мы стали парой.

— Ты ведьма?

Шесть снова улыбнулась, и мне стало совсем не важно, ведьма она или нет. Надеюсь, чары, которые она наложила на меня, никогда не потеряют своей силы.

— Я не знаю тебя, и теперь ты моя чертова подруга. Какого черта ты со мной сделала?

Защищаясь, она подняла руки.

— Послушай, не обвиняй меня. Мне исполнилось восемнадцать лет, и я завязала с парнями, как

вдруг появляешься ты из ниоткуда со своим дерзким ртом и ужасными первыми поцелуями и посмотри на меня. Я лицемерка.

— Я даже не знаю твой номер телефона.

— Я даже не знаю, когда у тебя день рождения.

— Ты самая худшая девушка, которая у меня была.

Она смеется, и я ее целую. Я заметил, что мне хочется целовать ее каждый раз, когда она смеется. А смеется она много. Что означает, я буду часто с ней целоваться. Боже, надеюсь, она не будет смеяться рядом со Скай или Холдером, потому что тогда мне будет тяжело сдержаться и не поцеловать ее.

— Было бы лучше, если бы ты не говорила о нас Скай. Я пока не хочу, чтобы Холдер знал.

— А как насчет школы? Я завтра туда записываюсь. Не думаешь, что это станет очевидным, когда мы будем рядом друг с другом?

— Мы притворимся, что ненавидим друг друга. Это будет весело.

Она наклоняется и, найдя мои губы, дарит мне маленький поцелуй.

— Но как ты собираешься держать свои руки подальше от меня?

Я положил руку ей на талию.

— Я не буду держать свои руки подальше от тебя. Я буду касаться тебя, когда никто не видит.

— Это будет весело, — прошептала Шесть.

Улыбнувшись, я притянул ее к себе.

— Ты права, — я наклонился и снова поцеловал ее. Отпустив ее, я открыл ей дверь. — Увидимся завтра.

Я отступил назад, и она направилась к дому. Не теряя времени, я быстро взял ее за запястье и потянул обратно к себе. Обняв Шесть за талию, я ее поцеловал.

— Я забыл случайно потрогать твою грудь.

Я поймал ее улыбку своим ртом и рукой слегка задел ее грудь, потом я медленно отошел от нее.

— Упс... Я почувствовала это.

Прикрывая свою улыбку рукой, она направилась к дому. Когда дверь закрылась, я упал на колени, а потом на спину. Я смотрю на крышу веранды ее дома, спрашивая себя что, черт побери, произошло с моим сердцем.

Дверь медленно открылась, и она посмотрела на меня, лежащего на ее веранде как идиот.

— Мне нужна минутка, чтобы прийти в себя, — я улыбнулся ей.

Я даже не извиняюсь за то, что позорно веду себя перед ней. Подмигнув, она начала закрывать дверь.

— Шесть, подожди, — говорю я вставая. Она снова открыла дверь, и я вытянул руку, чтобы придержать дверь и наклонился к ней.

— Я знаю, что только вчера расстался с ней, но мне нужно, чтобы ты знала, что ты не ошибка. Ты же знаешь это, правда?

Она кивнула.

— Да, — она ответила уверенно. — И ты тоже.

Закрыв дверь, она вернулась в дом.

Боже.

Чертов Ангел.

Глава 3

— Едем! — я уже в пятый раз повторяю ей это.

Простонав, она схватила свой рюкзак, встала со стула и толкнула его.

— Дениэль, у тебя какие — то проблемы? Ты никогда не спешишь в школу, — сказала она, допив свой апельсиновый сок. Я стою около двери

уже пять минут, готовый к выходу. Я открыл дверь, и она вышла на улицу.

Как только мы сели в машину, я не дожидаясь, пока она закроет за собой дверь, выехал.

— Серьезно, к чему такая спешка?

— Я никуда не спешу, — оправдываюсь я, — просто ты очень медлительная.

Последнее, о чем ей нужно знать, так это то, что я очень волнуюсь. Из — за сильных переживаний, я проснулся на два часа раньше обычного, с нетерпением ожидая, когда же, мы, наконец, поедем в школу. Возможно, мы с Шесть не увидимся до обеда, что меня очень сильно расстроит, если только у нас не будет совместных уроков.

Я уже над этим думал. Надеюсь, что все же мы увидимся на уроках.

— Как прошло твоё свидание? — спросила Чанк, пристегивая ремень безопасности

— Хорошо.

— Вы целовались?

— Да.

— Тебе понравилось?

— Да.

— Как ее зовут?

— Шесть.

— Нет, я серьезно. Как ее зовут?

— Шесть.

— Я не про прозвище, которое ты ей дал. Как остальные ее зовут?

Повернув к ней голову, я посмотрел на нее.

— Шесть. Ее зовут Шесть.

Чанк сморщила нос.

— Странное имя.

— Оно ей подходит.

— Ты ее любишь?

— Нет.

— Она тебе нравится?

— Да...

Ух ты.

Подождите.

Она мне нравится?

Не знаю. Возможно. Да? Черт. Не знаю. Как, черт побери, расставшись со своей девушкой два дня

назад, можно думать о том, что ты уже влюбляешься в другую?

Ладно, чисто теоритически, не думаю, что я любил Вэл. Отчасти мне кажется, что наши отношения были чистой случайностью. Думаю, если человек влюблен в кого — то, он должен быть уверен в своих чувствах. Я же до конца не понимал, что испытываю к Вэл. Каждому чувству, что я испытывал к ней, я находил какое — то объяснение. Черт, единственная причина, почему я пригласил ее погулять, было то, что в первые пятнадцать секунд нашего знакомства я думал, что она и есть та самая Золушка.

После прошлогоднего случая в чулане все мои мысли были только о той загадочной девушке. Я везде ее искал, но, к сожалению, я даже не знал, как она выглядит. Но все же я уверен, что у нее светлые волосы, хотя там было темно и я могу ошибаться. Я прислушивался к звучанию голоса каждой девушки, пытаюсь узнать ее по голосу. Проблема в том, что каждая напоминала мне ее. Тяжело найти человека по голосу, когда даже не знаешь, как он выглядит. Во всех девушках, с которыми я разговаривал, я находил какую — то мелочь, которая напоминала мне о ней.

Я убедил себя в том, что Вэл и есть моя Золушка. Однажды вечером я шел на урок истории. Я видел ее раньше, но не обращал на

нее внимания, потому что для меня она слишком высокомерна. Когда она проходила мимо меня, я, с кем — то разговаривая и не смотря по сторонам, задел ее плечом.

Она закричала мне в спину: «Эй, мальчик, аккуратней».

Я застыл как вкопанный. Испугавшись, я не мог заставить себя обернуться. Услышав слово «мальчик», я подумал, что только что встретился лицом к лицу с девушкой из чулана. Когда я, наконец, набрался смелости и обернулся, я был потрясен ее красотой. Я всегда надеялся, что если когда — нибудь узнаю, кем была моя Золушка, то буду очарован ею. Но Вэл была намного прекрасней, чем я ее себе представлял.

Подойдя к ней, я попросил повторить ее то, что она сказала. Удивившись, она повторила. Когда эти слова снова слетели с ее губ, я не задумываясь, наклонился и поцеловал ее. Поцеловав ее, я убедился, что она не моя Золушка. Ее губы были другими. Не то что бы они были плохими, они просто были другими. Осознав, что это не она, я разозлился на себя из — за того, что не могу сдерживать себя в ее поисках. Я никогда не узнаю, кто была эта девушка, поэтому нет смысла продолжать эти поиски. К тому же, Вэл была горяча. В тот же день я набрался смелости и

пригласил ее на свидание. Так и начались наши «отношения».

— Ты проехал мою школу, — сказала Чанк.

Осознав, что она права, я затормозил. Я развернул машину в обратном направлении и, подъехав к школе, припарковался. Чанк взглянула в окно и вздохнула.

— Дениэль, мы выехали слишком рано. Там еще никого нет.

Наклонившись вперед, я посмотрел в окно, разглядывая школу.

— Там не закрыто, — я указал на человека возле школьной парковки, — кто — то уже есть.

Она покачала головой.

— Это рабочий. Ты указал на чёртового школьного рабочего, — она открыла дверь и вышла, затем обернувшись, наклонилась и, прежде чем закрыть дверь сказала: — И еще, могу ли я надеяться, что ты также заберешь меня на час раньше? Твой мозг сегодня работает по Восточному времени?

Я проигнорировал ее замечание, и она закрыла дверь. Нажав на газ, я поехал в сторону своей школы.

...

Я не знаю, какая у Шесть машина, поэтому припарковавшись на своем обычном месте, я стал дожидаться ее. Тут уже были припаркованы чьи — то машины, включая Скай и Холдера, но они, как обычно, сейчас занимались на беговой площадке.

Не могу поверить, что даже не знаю марку ее автомобиля. Так же, у меня до сих пор нет номера ее телефона. И я не знаю, когда у нее день рождения. Не знаю, какой у нее любимый цвет, кем она хочет стать, когда вырастет. Не знаю, какого черта, она выбрала Италию, или как зовут ее родителей, или какую кухню она предпочитает.

Мои руки вспотели, поэтому я вытер их о свои джинсы и снова вцепился в руль. Что, если она раздражает других людей? Что, если она наркоманка? И что, если...?

— Привет.

Ее голос выдергивает меня из почти панического состояния. Он также успокаивает меня, и как только я вижу, что она садится в мою машину, мои страхи сразу же сменяются облегчением.

— Привет.

Закрыв дверь, и удобно устроившись, Шесть повернулась ко мне. От нее хорошо пахнет. Точно не духами...просто хорошо пахнет. Немного фруктовый запах.

— У тебя приступ паники?

Я засмутился. Я не успел ответить, потому что она снова заговорила.

— У меня был сегодня утром, — говоря это, она смотрит на все, что нас окружает, избегая зрительного контакта со мной. — Я думала о том, что мы идиоты. Возможно, мы все это себе придумали и наш союз не так уж и весел, как нам вчера казалось. Дениэль, я ничего о тебе не знаю. Не знаю, когда у тебя день рождения, не знаю твоего полного имени, настоящего имени Чанк. Не знаю, есть ли у тебя домашние животные, на какую специальность ты хочешь поступать. Я знаю, мы не давали никаких обещаний, мы не поженились, и у нас не было секса, но ты должен знать, что я никогда не думала, что буду с кем — то встречаться и возможно, я до сих пор не осознаю произошедшее, но... — она посмотрела на меня. — Но ты веселый. Последний год моей жизни был ужасным, но рядом с тобой я чувствую себя хорошо. Хотя меня и огорчает то, что я тебя совсем не знаю, но та часть, которую я знаю, действительно мне нравится, — она наклонила голову на изголовье и вздохнула. — И ты милый. Очень милый. Мне нравится смотреть на тебя.

Я повернулся на сиденье и повторил ее позу, кладя голову на изголовье.

— Ты закончила?

Она кивнула.

— Я запаниковал до того, как ты подошла. Но как только ты открыла дверь, и я услышал твой голос, паника прошла. Сейчас мне лучше.

Шесть улыбнулась мне.

— Это хорошо.

Шесть снова улыбнулась мне, и в течение нескольких секунд мы внимательно смотрели друг на друга. Мне хочется поцеловать ее, но вместе с тем, мне нравится просто ею любоваться. Я хочу взять ее за руку, но она проводит пальцами вверх и вниз по ткани сиденья, мне нравится наблюдать за этими движениями.

— Мне нужно пойти и зарегистрироваться.

— Убедись, что ты завтракаешь на второй перемене.

Она кивнула.

— Не могу дождаться того часа, когда буду притворяться, что ненавижу тебя.

— Не могу дождаться того момента, когда буду изображать, что ненавижу тебя больше.

Она собиралась выйти, когда я наклонился вперед и, положив руку ей на шею, притянул ее к себе. Я поцеловал ее, желая ей удачного дня,

здороваясь и прощаясь одновременно. Когда я отпустил ее, я увидел сзади нее Скай и Холдера, возвращающихся с беговой площадки.

— Черт! — я толкнул ее голову вниз между нами. — Они направляются сюда.

— Черт, — прошептала Шесть.

Шесть начала напевать музыкальную тему из фильма «Миссия невыполнима», и я засмеялся. Я наклонился вместе с ней. Если они подойдут к моей машине, они увидят нас, независимо от того пригнулись мы или нет.

— Я выйду из машины, пока они не подошли сюда.

— Хорошая идея, — ее голос звучит тихо, заглушаемый руками. — Думаю, ты только что покалечил мою спину.

Наклонившись, я поцеловал ее в макушку.

— Я сожалею. Увидимся чуть позже. Когда выйдешь, закрой дверь.

Она открыла дверь в тот момент, когда Холдер направился в нашем направлении. Я пошел к ним, чтобы остановить их.

— Хороший забег? — спросил я, подходя к ним.

Запыхавшись, они кивнули мне.

— Мне нужно переодеться, — сказала СкайХолдеру, указывая на свою машину. — Хочешь, я возьму твою одежду?

Холдер кивнул, и Скай направилась к своей машине. Он одновременно наблюдает за ней и за мной.

— Что ты так рано тут делаешь? — спросил Холдер. Его вопрос не звучит как обвинение в чем — то. Возможно, он всего лишь хочет поддержать небольшую беседу, но все же я решил перестраховаться.

— Сегодня Чанк нужно было пораньше в школу.

Кивнув, он вытер пот со лба подолом своей футболкой.

— Сегодня вечером ты придешь?

Я обдумываю его вопрос. Не знаю, что будет сегодня вечером и почему я должен прийти.

— Дениэль, ты хоть знаешь, о чем я говорю?

Я покачал головой.

— Ни малейшего представления.

— Ужин у Скай. Карен пригласила тебя и Вэл? Она устраивает праздничный стол в честь приезда лучшей подруги Скай.

Это привлекло мое внимание.

— Да, конечно, я там буду. Хотя Вэл не придет. Мы с ней порвали, помнишь?

— Да, но ужин в десять часов. К вечеру вы снова можете помириться.

К нам подошла Скай, держа в руках сумку Холдера.

— Дениэль, ты не видел Шесть?

— Нет, — развязно ответил я.

Скай смотрит на школу, не замечая моего оборонительного тона

— Она должна быть уже в школе, — Скай развернулась к Холдеру. — Пойду, поищу ее, — дотянувшись до Холдера, Скай поцеловала его в щечку, но взгляд Холдера направлен на меня.

Его глаза сощурились.

Это не хорошо.

Отойдя от него, Скай направилась в школу. Холдер положил руку мне на плечо, когда я собирался уйти, останавливая меня. Я обернулся, мне потребовалось несколько секунд, чтобы собраться с духом и посмотреть ему в глаза. Когда я, наконец, осмелился, он не выглядел счастливым.

— Дениэль?

Я поднял одну бровь, пытаюсь симитировать его взгляд.

— Холдер?

— Что ты тут делаешь?

— Не знаю, о чем ты говоришь, — мой голос прозвучал невинно.

— Ты знаешь, о чем я говорю. Когда ты врешь, ты не сокращаешь слова.

Черт. Он прав.

Выдохнув, я напрягся, пытаюсь казаться убедительным, когда признался:

— Хорошо, — ответил я, постукивая по асфальту башмаком. — У меня только что был секс с Вэл. В моей машине. Я не хотел, чтобы ты и Скай знали об этом, потому что вы, кажется, обрадовались нашему разрыву.

Напряжение в плечах Холдера спало, и он покачал головой.

— Мне наплевать, с кем ты проводишь время. Ты это знаешь, — он направился к школе, и я последовал его примеру. — Если только, дело не касается Шесть, — добавил Холдер. — Ты не можешь ходить с ней на свидания

Я продолжаю следовать за ним, несмотря на то, что его высказывание задело меня.

— У меня нет ни малейшего желания гулять с Шесть. Во всяком случае, она не настолько красива.

Остановившись, он обернулся и посмотрел мне в глаза. Он поднял один палец, как будто собирался прочесть мне нотацию.

— Дениэль, ты также не можешь отзываться о ней плохо.

Боже. Скрывать наши отношения может быть более изнурительным занятием, нежели веселым.

— Не влюбляться в нее, не проявлять к ней ненависть, не флиртовать с ней, никаких свиданий. Я понял. Может, ты хочешь что — то еще добавить?

Подумав с минуту, он опустил руку.

— Нет. На этом все. Увидимся на ланче.

Холдер развернулся и вошел внутрь. Я снова посмотрел на стоянку и увидел Шесть, тайком выходящую из моей машины. Она быстро помахала мне рукой. Я помахал ей в ответ и, развернувшись, пошел в школу.

• • •

Я шел со своим подносом к столику, радуясь, когда увидел, что единственное свободное место было рядом с Шесть. Когда я приблизился к столику, она взглянула на меня, и ее глаза улыбнулись, но только на одно мгновение. Поставив поднос напротив Холдера, я присоединился к разговору. Все вокруг обсуждали предстоящий ужин у Скай дома, но я уже ужинал у нее раньше. По правде говоря, Карен не знала, что такое настоящая еда. Она вегетарианка, поэтому нормальной еды в доме у них не было. Однако, не сегодня вечером.

— Будет мясо? — спросил я.

Скай кивнула.

— Да. Сейчас готовит Джек, так что еда должна быть вкусной. Также я испекла шоколадный торт.

Я потянулся за солью, хотя она мне не нужна была. Это был всего лишь предлог, чтобы прикоснуться к Шесть.

— Шесть, как твой первый день? — спросил я поспешно.

Она пожала плечами.

— Хорошо.

— Дай посмотреть твоё расписание.

Она сощурила глаза, как будто я сделал что — то не так. Я взглянул на нее, пытаюсь сказать, что ей не о чем волноваться. Даже если бы мы не встречались с ней, я не был идиотом. Я бы все равно поддерживал с ней разговор.

— Я уверена, что у нас нет совместных уроков, — сказала Скай. — Кто у тебя ведет историю?

Шесть достала свое расписание из сумки и протянула мне. Я открыл его и быстро проанализировал, но, к сожалению, у нас нет ни одного совместного урока.

— Карсон ведет историю, — ответил я на вопрос Скай. Я вернул расписание Шесть и взглядом дал ей понять, что у нас нет совместных уроков. Она взгрустнула, но ничего не сказала.

— Должно быть, ты хорошо говоришь на итальянском? — спросил Брекин у Шесть.

— Не совсем. На испанском я говорю лучше, нежели на итальянском. Я выбрала Италию, потому что у меня было достаточно средств и потому что я предпочитаю провести полгода там, нежели в Мексике.

— Хороший выбор, — сказал Брекин, — в Италии очень горячие парни.

Шесть кивнула.

— Да, они такие, — сказала она оценивающе.

Я сразу же потерял аппетит и уронил вилку на тарелку. Услышав шум, все повернулись и пристально посмотрели на меня. Они все уставились на меня в полной тишине. Почувствовав себя неудобно, я сказал первое, что пришло в голову:

— Итальянцы очень волосатые.

Скай и Брекин засмеялись. Шесть надув губы, посмотрела на свою тарелку

Боже, похоже у меня неприятности.

К счастью, Вэл подошла ко мне и обратила на себя всеобщее внимание.

Подождите. Я сказал, к счастью? То, что Вэл подошла не хорошо.

— Я могу с тобой поговорить? — спросила она, смотря на меня.

— У меня есть другой выбор?

— В коридоре, — она сказала, поворачиваясь на своих каблуках. Она направилась к выходу из кафе.

— Сделай нам всем одолжение, пойди и узнай, чего хочет Вэл, — сказала Скай. — Если ты не последуешь за ней, она вернется сюда.

— Пожалуйста, — пробормотал Брекин.

Наблюдая за их реакцией, я не был уверен, всегда ли они так реагировали на Вэл. Может, я только сейчас это заметил, когда мне, наконец, стало все ясно.

— Почему все называют ТессуМейнард — Вэл? — спросила Шесть, запутавшись.

Брекин указал через плечо в направлении Вэл.

— Тесса — это Вэл. Вэл — это Тесса. Если ты не заметила, Дениэль практически никого не зовет по имени.

Я наблюдаю за Шесть. Она медленно вздохнула и посмотрела на меня.

— Твоя девушка ТессаМейнард? У тебя был секс с ТессойМейнард?

— Она бывшая девушка и у нас был секс, — заметил я. — И да. Вероятно, мы были вместе, пока ты была влюблена в волосатого итальянца.

Шесть зажмурилась и отвела взгляд в другую сторону. Из — за сказанного я чувствую угрызение совести, но я всего лишь пошутил. Вроде того. К тому же, предполагается, что мы притворяемся. Не знаю, обидел ли я ее на самом деле или она просто хорошая актриса.

Вздохнув, я встал и в спешке направился в сторону выхода из кафе, чтобы быстрее вернуться за столик и убедиться, что Шесть не злиться на меня.

Я вышел в коридор. Вэл стояла около дверей кафе.

— Я согласна вернуться к тебе, но только с одним условием.

Мне интересно, на каком же условии, но в действительности сейчас это не важно.

— Меня это не интересует.

Она открыла рот от удивления. Это уже не тот красивый рот, который я видел ранее. Не знаю, почему он нравился мне раньше.

— Я серьезно, Дениэль, — она говорит с твердостью в голосе, — если ты опять все испортишь, мы расстанемся.

Закинув голову назад, я посмотрел в потолок.

— Боже, Тесса, — она не достойна моих прозвищ. Я снова посмотрел ей в глаза, — я не хочу, чтобы ты возвращалась ко мне. Я не хочу гулять с тобой. Я даже не хочу быть с тобой. Ты — плохая.

Надув губы, Вэл стоит в замешательстве.

— Ты это серьезно? — говорит она ошеломленно.

— Серьезно. Несомненно. Убежденно. Выбери свою опцию

Взмахнув руки к небу, она развернулась и ушла в кафе. Я подошел к дверям и открыл их. Шесть наблюдала за мной с нашего столика, я быстро осмотрел нашу группу. Все были заняты своими делами и не обращали на меня внимания, поэтому я указал ей жестом выйти в коридор. Она залпом выпила свою воду, поднялась из — за стола и что — то сказала остальным. Я отошел назад, пока она подходила ко мне. Когда двери открылись, я быстро схватил ее за запястье и потянул ее за собой, пока мы не оказались около шкафчиков. Толкнув ее напротив них, я накрыл ее губы своими. Ее руки запутались в моих волосах, и мы целовались так отчаянно, как будто можем быть пойманы.

И мы действительно можем быть пойманы.

Спустя минуту, она мягко ударила меня в грудь, и я отошел.

— Ты сердишься? — спросил я, выравнивая свое тяжелое дыхание.

— Нет, — она покачала головой, — почему я должна на тебя сердиться?

— Потому что Вэл — это Тесса и очевидно, что Тесса не очень тебе нравится и потому, что заревновав, я называл итальянцев волосатыми.

Она засмеялась.

— Дениэль, мы же притворяемся. Когда ты меня заревновал, я немного удивилась и смутилась. Но я впечатлена тем, что Вэл — это Тесса. Не могу поверить, что ты занимался сексом с Тессой Майнард.

— Не могу поверить, что у тебя был секс почти со всеми остальными, — ответил я шутя.

Она улыбнулась.

— Ты идиот.

— Ты шлюха.

— Ты будешь сегодня вечером на ужине?

— Очень глупый вопрос.

Она медленно улыбнулась. Мне снова хочется поцеловать ее чертовски сексуальную улыбку.

— Мне нужно вернуться, — прошептала Шесть, когда я отошел.

— Точно. И мне тоже нужно возвращаться.

— Ты первый. Они думают, что я у администрации, решаю свои проблемы с расписанием.

— Хорошо. Я пойду первым, но я буду скучать по тебе, ожидая твоего возвращения.

— Меня сейчас тошнит.

— Ставлю на то, что ты прекрасна, даже когда тебя тошнит. Спорим, что, если тебя вырвет, это будет очаровательно. Наверное, тебя будет тошнить розовой жвачкой.

— Ты отвратителен, — засмеявшись, она снова целует меня. Шесть толкнула меня в плечо и выскользнула из моих объятий. Положив руки мне на спину, она толкнула меня к дверям кафе.

— Будь собой.

Повернувшись к ней, я подмигнул и потом направился к дверям. Подойдя к столику, я сел на место.

— Где Шесть? — спросил Брекин.

Я пожал плечами.

— Откуда мне знать? Я был занят с Вэл в коридоре.

Покачав головой, Скай опустила вилку.

— Благодаря тебе, Дениэль, у меня пропал аппетит.

— Сегодня за ужином он снова у тебя появится, — ответил я.

Скай покачала головой.

— Только не с тобой и Вэл. Должно быть, она опять будет строить гримасы от моей еды. И если ты будешь пускать слюни в мой шоколадный торт, ты ничего не получишь.

— Извини, CheeseTits, но сегодня Вэл не придет на ужин. Только я.

— Бьюсь об заклад, что так и будет, — сказал себе под нос Брекин.

Мы смотрим друг на друга вызывающе.

— Повтори ка, что ты там сказал, Воздушная Пыль, — он ненавидит, когда я называю его Воздушной Пылью, но он должен знать, что я даю прозвища лишь тем людям, которые мне нравятся. Думаю, он без сомнения знает об этом, поэтому не обижается.

— Я сказал: «бьюсь об заклад, так и будет», — на этот раз он сказал громче. Он повернулся к Скай. — В шесть, правильно?

Скай кивнула головой.

— Да, в шесть или полседьмого.

— Я буду там в шесть, — сказал Брекин. Посмотрев на меня, он ухмыльнулся. — Спорим, ты тоже придешь в шесть. Правда, Дениэль? Тебе нравится шесть? В шесть для тебя хорошо?

Шесть идет к нам. Черт.

— В шесть, замечательно, — отвечаю я ему, выдерживая взгляд. — Мое любимое время суток.

Он понимающе улыбается, но меня это не беспокоит. У меня такое чувство, что он также удивлен, как и я.

— Все хорошо? — спросила Скай у Шесть, когда та подошла к столику. Шесть кивнула и села на свое место. Садясь, она задела рукой мое бедро. Я дотронулся своим коленом до нее, мы одновременно опустили вилки в тарелки и взяли кусочек пищи.

Быть рядом с ней и не иметь возможности прикоснуться к ней — для меня самая настоящая пытка. Я начинаю думать о том, чтобы просто наклониться к ней и поцеловать ее, и пусть Холдер потом надерет мне задницу, нежели я должен сейчас притворяться, что не хочу ее.

С того самого момента, как мы вчера расстались около ее дома, я нервничаю больше, чем когда — либо. Я сам не свой. Я не могу перестать

поглаживать ее своими пальцами или дотрагиваться до нее своей ногой. Когда ее не рядом, мне хочется рвать на себе волосы.

Именно так я себя ощущаю. Она как наркотик, к которому я сразу же пристрастился, но к которому не имею доступа. Единственное, что утоляет мою жажду — это ее смех. Или ее улыбка, или ее поцелуи, или ощущение ее прикосновений. Боже, мне так тяжело не дотрагиваться до нее. Очень тяжело.

Шесть громко смеется над словами Скай. Моя невыносимая тяга к ней вернулась, мне необходимо заглушить этот звук своими губами.

Моя вилка упала на тарелку, и я со стоном опустил голову на свои руки.

— Прекрати смеяться, — прошептал я.

Видимо ее что — то сильно рассмешило, и поэтому она не услышала меня. Наклонившись еще ближе к ней, я повторил.

— Шесть, пожалуйста, перестань смеяться.

Закрыв рот, она повернулась ко мне и посмотрела на меня.

— Извини?

В тоже время, Холдер сильно ударил меня по коленке. Я отодвинулся назад и потер ушибленное место.

— Что за черт, чувак?

Холдер смотрит на меня как на невежу.

— Что, черт побери, с тобой? Я сказал тебе, чтобы ты не вел себя плохо с ней.

Ха! Он думает, что я чувствую себя плохо? Если бы он только знал, как сильно я хочу быть с ней прямо сейчас.

— Тебе не нравится мой смех? — спросила Шесть. По ее интонации могу сказать, что она знает, как ее смех влияет на меня, но она наслаждается тем, что Холдер не знает об этом.

— Нет, — проворчал я, пододвигаясь к столу.

Она снова засмеялась, и я состроил гримасу боли.

— У тебя всегда такое плохое настроение? Хочешь, я пойду, найду твою девушку и приведу ее к нашему столику, чтобы она подняла тебе настроение?

— Нет! — одновременно закричали Скай и Брекин.

Я посмотрел на Шесть.

— Думаешь, что моя девушка может поднять мне настроение?

Она улыбнулась.

— Думаю, что твоя девушка полнейшая идиотка, потому что согласилась гулять с тобой.

Я покачал головой.

— Моя девушка поступает очень мудро. Не могу дожидаться сегодняшнего вечера, когда покажу ей, какой умной она была, решившись быть рядом со мной.

— Я думала, она не придет на сегодняшний ужин, — сказала Скай разочарованно.

Рука Шесть скользнула под стол и она начала нежно поглаживать колено, которое ударил Холдер.

— Боже мой, — бормочу я, наклоняясь вперед. Положив локти на стол, я начал потирать свое лицо, пытаясь скрыть свои эмоции, чувствуя как Шесть проложила дорогу к моей груди и обосновалась в моем сердце.

— Ланч еще не закончился? — я ни к кому конкретно не обращаюсь. — Мне нужно уйти отсюда.

Холдер взглянул на свой телефон.

— Еще пять минут, — он обратил свой взгляд на меня. — Ты заболел, Дениэль? Сегодня ты сам на себя не похож. Я немного волнуюсь за тебя.

Рука Шесть все еще на моем колене. Я опустил руку под стол и положил ее на руку Шесть. Она перевернула мою руку, сцепила наши пальцы вместе и сжала руку.

— Я знаю, — ответил я Холдеру. — Всего лишь странный день выдался. Девушки. Они так влияют на тебя.

Холдер с подозрением смотрит на меня.

— Серьезно, тебе просто нужно принять решение относительно нее. Мы все тебе сочувствуем, но сейчас ты раздражительный.

— Я не сочувствую тебе, потому что раньше она была шлюхой, — сказала Шесть.

— Шесть, — отвечает Скай с улыбкой, — это было грубо.

Шесть пожала плечами.

— Серьезно. Девушка Дениэля раньше была большой и толстой шлюхой. Я слышала, что за один год у нее был секс с шестью разными парнями.

— Не говори так о моей девушке. Кого волнует, что было раньше? Точно не меня.

Шесть сжала мою руку, потом выпустила ее и снова положила на стол.

— Извини. Это неприятно. Кроме того, я слышала, что она хорошо целуется.

Я улыбнулся.

— Она невероятно целуется.

Прозвенел звонок, и все вокруг начали убирать свои подносы. Шесть, так же как и я, не торопится. Скай поцеловала Холдера в щеку и вместе с Брекином направилась к выходу. Холдер взял два подноса и посмотрел на меня.

— Увидимся вечером. Надеюсь, настоящий Дениэль вернется, потому что сегодня ты жалок.

— Я знаю, — я быстро указал на свою голову, — она застряла у меня здесь, приятель. Я схожу с ума.

Холдер покачал головой.

— Именно об этом я тебе и говорил. Сегодня рядом с Вэл ты выглядел неестественно, раньше ты никогда не был таким. Это странно, — он начал отступать, все еще смущенно смотря на меня. Я немного себя виню за то, что солгал ему, но все же, это его вина. Он не должен был говорить мне, с кем я могу гулять, хотя и я не должен скрывать это от него.

— Это было весело, — прошептала Шесть. Она начала убирать свой поднос, но я ее перехватил. Я шагнул к ней и посмотрел на нее с твердостью во взгляде.

— В следующий раз не оскорбляй мою девушку. Ты меня слышишь?

Она сжала свои губы, пытаясь спрятать свою улыбку.

— Я запомнила.

— Я хочу проводить тебя до твоего шкафчика. Подожди меня.

Шесть кивнула, пытаясь спрятать свою улыбку. Я взял наши подносы и положил их на стопку других подносов, а затем вернулся к столу. Я оглянулся вокруг, и никого не увидев, кто обратил бы на нас внимание, наклонился к ней и быстро поцеловал ее в губы, потом я отошел.

— Дениэль Уэсли, ты попадешься, — говорит она улыбаясь. Она повернулась и направилась к выходу. Я незаметно положил руку ей на спину и притянул ее к себе.

— Боже, надеюсь на это. Если мне придется пережить еще один такой обед, я потеряю свое терпение, и ты, в конечном счете, окажешься на столе.

Она смеется.

— Какой ты легкий на слова.

Мы вышли из кафе и направились к ее шкафчику. Он находится в противоположном крыле, что усложняет ситуацию. У нас нет ни одного совместного урока, и я даже не увижу ее в коридоре, пока мы будем в школе. Я не увижу ее в течение всего дня. Я уже по ней скучаю.

— Я могу прийти до ужина? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет, я буду помогать Скай и Карен. Я пойду к ним сразу после школы.

— А после ужина?

Она снова покачала головой, пока меняла свои книги.

— Скай каждую ночь перелезает ко мне в окно. Ты не можешь остаться у меня в комнате.

— Я думал, что твое окно ремонтируется.

— Только для личностей с членом.

Я засмеялся.

— А если я тебе скажу, что у меня нет члена?

Она посмотрела на меня.

— Возможно, я бы посмеялась. Мои опыты с людьми, у которых есть член, никогда не заканчивались хорошо.

Я покачал головой.

— Это совсем не то, что хотел услышать мой член от тебя. У него очень чувствительное эго.

Улыбнувшись, она закрыла шкафчик и оперлась на него.

— Хорошо, тогда тебе нужно после школы пойти домой и лелеять свое эго до тех пор, пока оно не почувствует себя лучше.

Я вопросительно изогнул бровь.

— Ты только что пошутила на счет мастурбации.

Она кивнула

— Совершенно верно.

— У меня самая великолепная девушка во всем мире.

Она снова кивнула.

— Это точно.

— Увидимся за ужином.

— Несомненно.

— Мы могли бы улизнуть, пока все будут ужинать?

Она сощурила глаза, делая вид, что обдумывает эту мысль.

— Не думаю. Нам придется импровизировать.

Я кивнул и облокотился на шкафчик рядом с ней. Нас разделяют друг от друга несколько дюймов, мы снова смотрим друг на друга. Мне нравится, что она с наслаждением смотрит на меня.

— Дай мне свой номер телефона, — сказал я ей.

— Надеюсь, ты не собираешься прислать мне фотографии, где ты после школы ублажаешь свое эго.

Засмеявшись, я схватился за сердце.

— Черт, Шесть. Я люблю каждое слово, произнесенное тобой.

— Член, — сказала она сухо.

Она порочна.

— Кроме этого слова. Не люблю пенисы.

Засмеявшись, она открыла свой шкафчик. Достала ручку, повернулась ко мне и взяла мою руку. Написав свой номер телефона, убрала ее в шкафчик.

— Увидимся вечером, Дениэль.

Она начала отходить. Все, что я могу сделать— это согласиться, потому что я уверен, ее голос прозвучал убедительно. Повернув за угол, она исчезла из поля моего зрения.

Я поймал на себе чей— то взгляд.

— Что тебе нужно, Ветреная пыль? — спросил я, отталкиваясь от шкафчика.

— Она тебе нравится?

— Кто? — спросил я, прикинувшись дурачком. Я не знаю, зачем валяю перед нимдурака. Мы оба знаем, кого он имеет в виду

— Думаю, она очаровательна. Ты ей тоже нравишься. Я могу это сказать.

— Серьезно?

Он засмеялся.

— Это очень легко. Не знаю почему, но уверяю тебя, ты ей нравишься. Вы очень милые. Почему ты это скрываешь? Или, лучше от кого ты это скрываешь?

— От Холдера. Он сказал, что я не могу встречаться с ней, — я направился к классу, и Брекин последовал за мной.

— Почему нет? Потому что ты — идиот?

Я остановился и посмотрел на него.

— Я — идиот?

Брекин кивнул.

— Да. Я думал, что ты знаешь об этом.

Засмеявшись, я направился к классу.

— Он думает, что я все разрушу, потому что все мы — лучшие друзья.

— Он прав. Так и будет.

Я снова остановился.

— Кто сказал, что между мной и Шесть ничего не может быть?

— Как давно ты с ней знаком? Два дня?

— Это не важно, — мой голос звучит оборонительно. — Она другая. У меня есть хорошее предчувствие на счет нее.

Брекин несколько минут изучал меня, а потом улыбнулся.

— Что ж, это должно быть увлекательно. Увидимся сегодня вечером, — он повернулся и направился в противоположную сторону, но резко остановился и обернулся ко мне. — Еще раз назовешь меня Ветреной Пыльцой, и о твоём секрете все узнают.

— Хорошо, Ветреная Пыльца.

Засмеявшись, он указал на меня.

— Видишь? Ты — идиот.

Развернувшись, он направился к своему классу. Достав телефон из сумки, я открыл информацию о контактах Вэл. Удалив ее контакты, я записал номер Шесть. Я подожду, пока вернусь в свой класс, прежде чем отправлю ей сообщение.

Не хочу казаться безнадёжным.

Глава 4

Я: «Притворись, что идешь в ванную комнату или куда — нибудь в другое место»

Я положил свой телефон на стол и продолжил кушать. Я здесь около часа, и за это время у меня и Шесть почти не было возможности поговорить. Даже не знаю, расскажет ли Брекин о нас. Я скоро потеряю свое терпение и сделаю это сам.

Знаю, всем интересно узнать о поездке Шесть в Италию, но мне кажется, что ей неудобно говорить об этом. На все вопросы она отвечает коротко и сжато. Мне не нравится, что я единственный из присутствующих понимаю, насколько сильно она не хочет говорить об Италии. Но с другой стороны, мне нравится, что я единственный заметил ее переживания. Это доказывает, что мои чувства к ней настоящие. Я чувствую, что из всех

присутствующих на этом ужине, я знаю ее лучше всех. Возможно, даже лучше Скай.

Хотя, абсурдно так думать, потому что я до сих пор даже не знаю, когда у нее день рождения.

Шесть: «Здесь только одна ванная комната, в коридоре. Даже если я туда пойду, будет подозрительно, если ты последуешь за мной»

Читая ее сообщение, я простонал.

— Все хорошо? — спросил Джек. Он сидит рядом со мной за столом, что было бы хорошо в любой другой ситуации, но сейчас я хочу, чтобы на этом месте была Шесть. Кивнув, я положил телефон на стол.

— Драма с чертовой девушкой.

Смеясь, он повернулся к Холдеру, продолжая беседу. Шесть принимала участие в дискуссии Скай и Карен. А Брекин так и не смог прийти, что, возможно, даже к лучшему. Не уверен, что смог бы я справиться, понимая, что он все знает.

Сейчас, сидя за этим обеденным столом, во мне бушевала внутренняя борьба, смешенная с нетерпением.

— Вспомнила, — громко сказала Шесть, — я всем купила подарки. Совсем про них забыла, — она отодвинулась от стола. — Они у меня дома. Я скоро вернусь, — она встала и, сделав несколько

шагов, снова повернулась к нам, — Дениэль? Они очень тяжелые. Ты не мог бы помочь их донести?

Дениэль, черт побери, только не волнуйся.

Я тяжело вздохнул.

— Хорошо, — сказал я, отодвигаясь от стола. Посмотрев на Холдера я закатил глаза, после чего последовал за Шесть. На протяжении всего пути до ее дома, никто из нас не проронил ни слова. Как только мы подошли к ее окну, Шесть обернулась.

— Я соврала, — сказала она. Ее взволнованный взгляд меня беспокоит.

— О чем?

Она качает головой.

— Я не купила подарки. У меня больше нет сил терпеть все эти расспросы. А потом, увидев тебя, сидящего по другую сторону стола, я захотела оказаться с тобой наедине. Меня раздражает этот ужин. Но сейчас у меня нет подарков. Как я могу вернуться без подарков?

Я стараюсь не смеяться, но мне нравится, что она, как и я, чувствовала себя плохо. А я волновался, что только я себя так чувствую.

— Мы можем остаться здесь и не возвращаться.

— Да, можем, — согласилась она, — но рано или поздно они начнут нас искать. Не говоря о том, что это было бы не вежливо по отношению к Джеку и Карен, ведь они устроили весь этот вечер для меня. Ох, Боже мой, а что, если это правда, Дениэль?

Не знаю, почему мне так сложно поспевать за ее мыслями. Понятия не имею, о чем она говорит.

— Что правда?

Она быстро вздохнула.

— Что, если все наши чувства всего лишь самообман? Что, если бы в субботу Холдер разрешил тебе за мной ухаживать? Возможно, я бы тебя не заинтересовала. Что, если единственная причина, почему мы друг другу нравимся — это его запрет? И во — вторых, если вдруг они все узнают, мы больше не сможем быть вместе?

Мне не нравится ее взволнованный голос, означающий, что она действительно верит во все дерьмо, которое только что сказала.

— Ты веришь, что, возможно, нравишься мне лишь потому, что не должна мне нравится?

Шесть кивнула.

Взяв ее за руку, я веду ее обратно к входу в дом.

— Дениэль, у меня нет подарков!

Игнорируя ее, я поднимаюсь по ступенькам, открываю дверь и прохожу вместе с ней на кухню.

— Послушайте! — кричу я. Все оборачиваются и смотрят на нас. Я смотрю в широко распахнутые глаза Шесть. Глубоко вздохнув, я повернулся к столу, в частности к Холдеру.

— Эта девушка, стукнулась со мной кулаком, — я указал на Шесть. — Это не моя вина. Она ненавидит бумажники и ударила мой кулак, а потом заставила меня пойти с ней на эти чертовы карусели. После этого, она потребовала показать ей, где в парке у меня был секс, а потом вынудила меня тайком пробраться в мою же комнату. Она странная, и временами я не успеваю за ее мыслями, но она считает меня чертовски смешным.

Этим утром Чанк спросила меня, что если я влюблюсь в кого —нибудь другого, а я ответил ей, что даже не надеюсь полюбить кого — то так сильно, как я люблю ее. Так, каждый, кто будет против наших отношений, будет иметь дело со мной, потому что... — сделав паузу, я повернулся к Шесть. — Потому что ты ударилась со мной кулаком и мне не важно, узнает ли кто — то о том, что мы вместе. Я никуда не уйду.

Перестань думать, что ты привлекаешь меня лишь потому, что не должна мне нравиться, — я поднял руки и наклонил ее лицо к моему. — Ты привлекаешь меня потому, что ты невероятная. И еще потому, что разрешила случайно коснуться своей груди.

Я еще никогда не видел у нее такой широкой улыбки.

— Дениэль Уэсли, где ты научился так выражаться?

Я засмеялся.

— Я не учился этому, Шесть. Просто я харизматичный.

Обняв меня за шею, она целует меня. Я жду того момента, когда Холдер оттолкнет меня от нее, но ничего не происходит. Мы целуемся тридцать секунд, перед тем как окружающие начали прочищать горло. Отойдя от меня, Шесть по — прежнему улыбалась.

— Теперь, когда все всё знают, ты чувствуешь себя по — другому? — спрашиваю я. — Потому что я чувствую себя намного лучше.

— Прекрати! Ты говоришь такие слова, которые заставляют меня улыбаться как идиот. С тех пор, как я познакомилась с тобой, мое лицо болит.

Я тяну ее к себе и обнимаю. Вскоре я осознаю, что мы все еще находимся на кухне у Скай, и все наблюдают за нами. Я нерешительно повернулся и посмотрел на Холдера, пытаюсь понять, насколько сильно он зол. Я никогда с ним не дрался, но я видел, на что он способен и, честно говоря, мне бы не хотелось испытать это на себе.

Когда мои глаза встречаются с его глазами, он... улыбается. Он действительно улыбается.

Скай вытирает слезы салфеткой.

Карен и Джек улыбаются

Все это странно.

Слишком странно.

— Вы поговорили с моими родителями? — осторожно спросил я. — Они поведали вам свои грязные психологические трюки обмана?

Карен заговорила первая.

— Сядьте оба. Ваша еда остывает.

Поцеловав Шесть в лоб, я сел обратно на свое место. Я постоянно поглядывал на Холдера, но он не выглядел расстроенным. На самом же деле, он кажется немного удивленным.

— Где, черт возьми, мои подарки? — спросил Джек.

Шесть прочистила горло.

— Я решила подождать до Рождества, — взяв свой стакан, она поднесла его к губам, и посмотрела на меня. Я улыбнулся ей.

Все продолжили разговор, который я прервал. Как будто никто даже не удивился. Они вели себя так, будто все нормально. Как будто это было так естественно... Шесть и я.

Я осознаю, что так оно и есть. То, что у нас сейчас есть — это хорошо, даже, если я все еще не знаю, когда у нее день рождения... Я знаю, это хорошо. Взглянув на Шесть, я вижу по выражению ее лица, она думает о том же.

...

— Мне эта очень нравится, — сказал я, рассматривая фотографию в своих руках. Я прислонился к двери, сидя на полу в комнате у Скай. Шесть показывала Скай, Холдеру и мне фотографии, которые сделала в Италии.

— Какую фотографию ты смотришь? — спросила Шесть. Она лежала рядом со мной. Я посмотрел на нее сверху вниз и повернул ей фотографию, чтобы она ее посмотрела. Она покачала головой и закатила глаза.

— Она тебе нравится лишь потому, что мое декольте выглядит хорошо.

Я тут же повернул фотографию к себе. Она права. Декольте действительно выглядит здорово. Но это не самая главная причина, почему мне нравится эта фотография. Она кажется на ней счастливой. *Кажется.*

— Я сделала эту фотографию в первый день моего приезда в Италию. Можешь забрать ее.

— Спасибо. Но я все равно не собирался возвращать ее.

— Считай, что это подарок на нашу годовщину.

Я взглянул на время в телефоне.

— Ох. Подумать только! Действительно, наш юбилей, — я наклонился к ней. — Я почти забыл. Я самый худший парень на свете. Все еще не могу поверить, что ты не оставила меня.

Она смеется.

— Ничего страшного. Можешь напомнить мне о следующем, — положив руку на мой затылок, она притянула меня к себе, и наши губы соприкоснулись.

— Годовщина? — спросила смущенная Скай. — Как давно вы начали встречаться?

Я отодвинулся от Шесть и сел, облокотившись о стену.

Она улыбается.

— Почти двадцать четыре часа.

Наступило неловкое молчание, но Холдер, конечно, его заполнил.

— У меня одного плохое предчувствие на счет этого?

— Думаю, что это восхитительно, — сказала Скай. — Я никогда не видела Шесть такой...влюбленной? Счастливой? Смущенной? Она хорошо выглядит.

Шесть села и обняла меня за шею, а потом потянула меня вместе с собой на пол.

— Это потому, что я никогда не встречала никого настолько вульгарного и неуместного, и ужасного в первых поцелуях, как Дениэль, — она накрыла мой рот своим и, целуя, смеялась над собой.

Это в первый раз. Улыбаться и целоваться одновременно? Думаю, такое возможно только на небесах.

— Знаешь, у Шесть есть своя комната, — сказал Холдер.

Шесть перестала смеяться и целоваться со мной.

Еще чуть — чуть и Холдер будет в моем черном списке.

— Шесть не терпит члены в своей комнате, — ответил я, все еще глядя на нее сверху вниз.

Шесть наклонилась к моему уху и прошептала:

— До тех пор, пока ты не ожидаешь от меня, что я буду лелеять твое эго. Сегодня вечером я хочу целоваться с тобой на своей кровати.

Я никогда не знал, что люди могут так быстро передвигаться, как я сделал это прямо сейчас. Должно быть, я побил рекорд. Я просунул свои руки под ее спину и коленки и быстро поднял ее на руки, прежде чем она смогла что — то возразить. Шесть визжала, обняв меня за шею, пока я шел напрямик к окну Скай. Я аккуратно ее опустил, но потом практически вытолкнул ее в окно. Я последовал за ней, даже не попрощавшись со Скай и Холдером.

— Вместе они такие странные, — услышал я слова Скай, перед тем как вылезти через окно.

— Да, — согласился Холдер. — Новместе с тем, странно...правильные.

Я остановился. Холдер поддерживает мои отношения с Шесть? Не знаю, почему я нуждаюсь в его одобрении, но услышанные слова наполнили

меня странным чувством гордости. Обернувшись и шагнув назад к окну, я наклонился вниз.

— Я тебя слышал.

Он посмотрел в окно и увидел меня. Я закатил глаза.

— Уходи, — сказал он сквозь смех.

— Нет. Нам нужно пару минут.

Он вопросительно изогнул бровь, но не ответил.

— Холдер, ты мой лучший друг.

Качая головой, Скай засмеялась, но Холдер по — прежнему смотрит на меня как на сумасшедшего

— Серьезно. Ты — мой лучший друг, и я тебя люблю. Меня не смущает, что я признаюсь в любви мужчине. Я люблю тебя, Холдер. Дениэль Уэсли любит Дина Холдера. Навсегда.

— Дениэль, иди целоваться со своей девушкой, — ответил Холдер, отмахиваясь от меня.

Я покачал головой.

— Я не уйду, пока ты мне не скажешь, что тоже любишь меня.

Он опустил голову на плечо Скай.

— Боже, я люблю тебя. А сейчас уходи!

Я улыбнулся.

— Я люблю тебя больше.

Он поднял подушку и бросил ее в окно.

— Убирайся отсюда, идиот!

Смеясь, я отошел от окна.

— Вы такие странные, — сказала Скай.

Я потянулся к окну, чтобы закрыть его, потом повернулся лицом к Шесть. Она уже в своей комнате, выглядывает из своего окна, положив руки на подбородок. Она улыбается.

— Дениэль и Холдер сидят на дереве, — пропела она.

Я направился к ней, импровизируя последующие строки песни.

— Но потом Дениэль спустился, — продолжил я улыбаясь, — и пошел к окну Шесть, и пробрался к ней в комнату, и толкнул ее на кровать, и целовал ее до тех пор, пока она не обессилила, и ему не нужно было возвращаться домой, чтобы лелеять свое эго.

Смеясь, она чуть отошла в сторону, чтобы я мог взобраться внутрь.

Как только я оказался внутри, я осмотрел все вокруг. Я наконец — то понял, что она подразумевала, когда сказала, что моя комната — это больше чем просто комната. Это как — будто открыть секрет, кем на самом деле являлась Шесть. Чувствую, если бы я мог изучить ее комнату и все в ней, я бы мог все узнать о Шесть.

К несчастью, она стояла рядом со своей кроватью и казалась немного взволнованной. Сейчас она казалась еще более красивой, чем я заслуживал этого. Я не мог оторвать от нее глаз, чтобы лучше изучить ее комнату.

Не могу сдержать свою улыбку. Могу уже сказать, что это самый лучший юбилей в моей жизни. Свет был тусклым, такая атмосфера идеальна для поцелуев. Здесь тихо. Так тихо, что с каждым моим преднамеренным медленным шагом, я слышу, как ее дыхание учащается.

Черт. Может быть, это мои вздохи. Я точно не знаю. Каждый дюйм моего приближения требует нового вдоха.

Когда я приблизился, она подняла на меня свой взгляд, в котором читалась странная смесь спокойствия и ожидания. Мне хочется прямо сейчас толкнуть ее на кровать, лечь рядом с ней и целовать ее без остановки.

Я могу это сделать, но зачем делать то, что она ожидает от меня?

Я медленно наклонился. Очень медленно... до тех пор, пока мои губы не оказались так близко около ее шеи, что я даже не могу сказать дотронулся ли я до ее кожи или нет.

— Прежде чем мы сделаем это, мне нужно задать тебе три вопроса, — я сказал это очень тихо, но на полном серьезе. Я отошел назад, чтобы увидеть ее.

— Прежде чем сделаем что? — спросила нерешительно Шесть.

Положив руку ей на затылок, я притянул ее к себе и накрыл ее губы своими.

— Перед тем, как сделаем то, что хотим оба. Прежде чем я наклонюсь еще ближе. Прежде чем наши губы расстанутся, но для меня этого будет достаточно, чтобы украсть твой вкус. До того, как я положу руки на твои бедра и спину, и тебе некуда будет идти, кроме как на кровать.

Я чувствую на своих губах ее дразнящее дыхание. Это очень соблазнительно. Я заставил себя снова наклониться к ее уху, избегая близости с ее ртом.

— Перед тем, как я медленно лягу на тебя. Перед тем, как встретятся наши любопытные и

храбрые руки. До того, как мои пальцы проскользнут под твою блузку. Прежде чем моя рука начнет исследовать тебя, поднимаясь по твоему животу, и я обнаружу, что никогда не прикасался к такой мягкой коже.

Задыхаясь, Шесть судорожно вздохнула. Это почти так же сексуально, как удар кулаком.

Возможно, это было даже сексуальней.

— До того, как я, наконец, не смущаясь, смогу потрогаю твою грудь.

Она смеется, но ее смех обрывается, когда я прижимаю большой палец к ее губам.

— Перед тем, как твое дыхание потеряет ритм и наши тела заболят, потому что все, что мы чувствуем — это то, что нам нужно больше друг друга... пока я не испугаюсь, что не смогу остановиться. Поэтому, я медленно оторву свои губы от твоих и заставлю себя отойти подальше от твоей кровати. Ты привстанешь на локтях и согласишь на меня разочарованно, потому что ты хотела, что бы я продолжил. Но в тоже время, ты с облегчением вздохнешь, потому что я не сделал этого, а ты знаешь, что сдалась бы. Вместо этого мы бы просто смотрели друг на друга. Мы бы молча смотрели друг на друга. Мой пульс замедлился бы, а твое дыхание выровнялось. Наша потребность друг в друге все

еще будет ненасытна, но наш просветлевший разум не давил бы на нас. Развернувшись, я бы ушел через окно, так и не попрощавшись с тобой. Потому что мы оба понимаем, что если кто — то из нас заговорит... это будет всеобщее поражение нашей воли, и мы поддадимся нашему соблазну. Поддаться будет тяжело.

Я убираю руку от ее щеки. Она стонет и, кажется, вот — вот готова упасть на кровать, что бы я мог обнять ее за талию и притянуть к себе.

— Тогда... три первых вопроса.

Я немедленно отпустил ее и спустя две секунды услышал, как она села на свою кровать. Направившись напрямиком к столу, я сел. Я сел по двум причинам. Во — первых, я хочу, чтобы она знала, что я серьезен и все, что я только что ей сказал, действует на меня также как и на нее. И во — вторых, я хочу ее больше, чем кого — либо другого, и, если бы я не сел, мои колени могли бы меня подвести.

— Первый вопрос, — говорю я, наблюдая за ней из другой части комнаты. Она лежит на спине с закрытыми глазами. Жаль, что прямо сейчас я не могу посмотреть на нее вблизи. — Когда у тебя день рождения?

— В октябре... — она прочистила горло, очевидно, не ожидая такого вопроса, — тридцать первого. В Хэллоуин.

Как дата ее рождения могла заставить меня еще больше влюбиться в нее? Не знаю, как такое возможно.

— Второй вопрос. Какое блюдо ты больше всего любишь?

— Домашнее картофельное пюре.

Я никогда бы не догадался. Я рад, что задал именно этот вопрос.

— Третий вопрос. Он большой. Ты готова?

Она кивнула. Ее глаза по — прежнему закрыты.

— Какая вещь в этой комнате скрывает твой самый большой секрет?

Как только этот вопрос слетел с моих уст, она сразу же притихла. Она чаще задышала. Шесть оставалось неподвижной почти минуту, затем, смотря куда — то вдаль, медленно села на край кровати.

— Это "что — то" должно быть внутри моей комнаты?

Я медленно кивнул.

Она подняла руку и дотронулась пальцем до своего сердца, указывая на него.

— Это, — прошептала Шесть. — Мой самый большой секрет хранится внутри меня.

Ее глаза влажные, ее ответ звучит грустно. Мгновенно воздух вокруг нас меняется. В худшую сторону. Я чувствую, что воздух вокруг нее стал моим воздухом. Мне хочется разделить с ней вздохи и выдохи, чтобы убедиться, что она никуда не денется.

Я поднялся на ноги и подошел к ее кровати. Ее глаза наблюдают за мной, до тех пор, пока я не оказался рядом с ней.

— Встань.

Она медленно встала.

Держа ее за затылок, я пропустил сквозь пальцы пряди ее волос. Я внимательно на нее смотрю. Мое сердце больше не может это выносить. Я прикоснулся своими губами к ее. Я сбился со счета, сколько раз поцеловал ее за минувшие сутки. Каждый раз, когда я ее целую, я чувствую то, что никогда ранее не испытывал. Подобные чувства я испытывал только с той девушкой в кладовке, когда мы притворялись, что любим друг друга. Но даже тот день, день, когда я думал, что никогда не испытаю подобного, никогда не сравнится с этим.

У нее теплый и гостеприимный рот. Когда я ее целую, я ощущаю не только это, но и многое другое. То, что я так на нее реагирую спустя всего лишь один день, меня чертовски пугает.

Один день.

Мы вместе всего лишь один день. Я не понимаю, что происходит. Не знаю, может это полнолуние или у меня опухоль сердца, или же она действительно ведьма. Что бы это ни было, это не объясняет того, как такие чувства могут так быстро возникать между людьми... и это на самом деле так

В глубине души я чувствую, что все слишком хорошо, чтобы быть правдой. Мой разум и мое сердце понимают, что все слишком хорошо, чтобы быть реальностью. Поэтому я целую ее еще сильнее, чтобы убедить себя, что все это — действительно правда. Это не сказка. Это происходит не понарошку.

Это правда, но даже в нашей несовершенной реальности люди не влюбляются так быстро друг в друга.

Чувства не могут так быстро развиваться, когда люди едва знакомы.

Единственное, что возбуждает мои мысли— так это мысль о том, чтобы сильно схватить ее и держаться за нее. Где бы она ни была, я тоже хочу

там быть. И сейчас она направляется назад к своей кровати. Я ложусь рядом с ней, как я и говорил. Мы целуемся, как я ранее обещал. Только на этот раз наши поцелуи неистовее, мы чертовски нуждающемся друг в друге.

Ее кожа.

Это самая мягкая кожа, к которой я когда — либо прикасался.

Я провожу рукой по ее талии, к подолу ее блузки и сжимаю его. Я медленно прокладываю дорожку к ее животу.

Она оттолкнула мою руку.

— Дениэль.

Шесть немедленно встала и быстро оттолкнула меня. Она тяжело дышала. Я и сам удивился собственному дыханию.

Она выглядит раскаивающейся и смущенной, вдруг прося меня остановиться. Я дотронулся до ее щеки, успокаивающе поглаживая ее.

Мои глаза наблюдают за ее взглядом, впитывая ее тревогу. Она боится того, что может произойти между нами. По ее выражению лица видно, что она, как и я, напугана. Что бы это ни было, никто не требовал объяснений. Ни один из нас не знал, что это. Ни один из нас даже отдаленно не готов к этому, но все же, мы оба этого хотим. Она сама

хочет меня так же, как я хочу ее. Выражение ее глаз вселяет во мне надежду, что именно так и будет. Я никогда не верил во что — то так сильно, как верю в возможность наших отношений.

По ее взгляду могу сказать, если бы сейчас я попытался ее поцеловать, она бы позволила мне это сделать. Как будто она разрывается между девушкой, которой она была раньше и той девушкой, какой она сейчас является. Она боится, что если я попытаюсь ее снова поцеловать, она сдастся.

А я боюсь, что если сейчас не встану и не уйду, то потеряю ее.

Мы даже не должны это обсуждать. Ей не придется просить меня уйти, я знаю, что мне нужно сделать. Я кивнул ей, безмолвно отвечая на ее вопрос. Я молча приподнялся. В ее глазах вспыхнуло молчаливое «спасибо». Я встал, обошел ее и, не говоря ни слова, вылез через окно. Я обошел несколько футов вокруг ее дома, оперся на него и соскользнул вниз на землю.

Я запрокинул голову и закрыл глаза, пытаюсь понять, что сделал в жизни, чтобы заслужить ее.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — спросил Холдер.

Я посмотрел вверх. Холдер наполовину высунулся из окна Скай. Как только он полностью вылез, он повернулся и закрыл окно.

— Прихожу в себя. Мне просто нужна минутка.

Холдер подошел ко мне и сел на землю напротив меня, потом он наклонился к дому Скай, вытянув ноги и положив локти на колени.

— Уже уезжаешь? — спрашиваю я. — Еще даже нет девяти.

Он наклонился к земле и вырвал несколько травинок, а потом прокрутил их между пальцами.

— Меня выгнали на ночь. Карен зашла, а моя рука была под блузкой Скай. Кажется, ей не очень это понравилось.

Я засмеялся.

— Итак... — Холдер посмотрел на меня. — Ты и Шесть, да?

Я попытался сдержать свою улыбку, но не смог этого сделать. Я жалко улыбнулся и кивнул головой.

— Холдер, я не знаю, что с ней. Я... она просто... да.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — он ответил тихо, глядя на зажатую траву между пальцами.

В течение нескольких минут ни один из нас ничего не сказал другому, пока он не выпустил траву из своих рук и не вытер руки о свои джинсы, собираясь встать.

— Хорошо... Дениэль, я рад, что мы поговорили об этом. Но то, что сегодня мы признались друг другу в любви, немного смущает меня. Увидимся завтра, — он поднялся и направился к своей машине.

— Я люблю тебя, Холдер! — я прокричал ему вслед. — Лучшие друзья на веки!

Не останавливаясь, он поднял руку в воздухе и показал мне средний палец.

Это почти так же круто, как удариться кулаком.

Глава 5

— Ты ошибаешься, — сказала она.

Мы стоим на кухне. Она прижалась спиной к стойке, а я стою напротив нее, расположив свои руки по обе стороны от нее. Я поймал губами ее губы, заставляя ее замолчать. Шесть оттолкнула меня, прерывая наш поцелуй.

— Я серьезно, — прошептала она. — Я не думаю, что нравлюсь им.

Я положил руку ей на затылок и с нежностью посмотрел ей в глаза.

— Поверь мне, ты им нравишься.

— Нет, она нам не нравится, — сказал папа, заходя на кухню. — Мы на дух ее не переносим. На самом деле, мы надеемся, что ты больше никогда ее не приведешь, — он наполнил стакан со льдом и вернулся обратно в гостиную.

Шесть, проводив его взглядом, посмотрела на меня с широко раскрытыми глазами.

— Видишь? — улыбаясь, сказал я. — Они тебя любят.

Она указала в сторону гостиной.

— Но он только что...

Голос моего отца прервал ее, когда он снова вернулся на кухню.

— Шесть, я пошутил, — смеясь, сказал папа. — Это всего лишь шутка. Ты нам очень нравишься. Я хотел отдать Денни кольцо бабушки Уэсли, но он сказал, что тебе еще слишком рано становится Уэсли.

Шесть, вздохнув с облегчением, засмеялась.

— Конечно. Мы вместе только месяц. Думаю, стоит подождать еще недельки две, а потом уже можно обсудить нашу свадьбу.

Папа прошел внутрь кухни и прислонился к стойке напротив нас. Я чувствую себя неловко, стоя так близко к Шесть, поэтому я немного отошел и прислонился к бару.

— Ты вернулся, чтобы сказать что — то, что смутит меня? — спросил я. Я знаю, почему он остановился рядом с нами. В его глазах заплясали веселые искорки.

Смеясь, он отпил свой чай и сморщил нос.

— Нет, я никогда бы так не сделал, малыш Денни. Я не из тех типов отцов. Я бы никогда не сказал девушке моего сына, что он постоянно о ней говорит. Я бы также никогда не сказал подруге моего сына, что горжусь ей, потому что у нее с моим сыном до сих пор не было секса.

Святое дерьмо. Проворчал я, и ударил себя по лбу. Я должен был догадаться, что лучше не приводить ее сюда.

— Ты сказал своим родителям, что у нас не было секса? — смущаясь спросила Шесть.

Мой папа покачал головой.

— Нет, не говорил. Просто я знаю. Каждый вечер, по возвращению домой, Денни идет напрямик к себе в комнату и принимает душ в течение тридцати минут. Когда мне было восемнадцать...

Шесть закрыла лицо руками.

— Ох, Боже мой, — сквозь пальцы она посмотрела на моего отца. — Я думаю, я знаю, как Дениэль выражает свою индивидуальность.

Мой отец кивнул.

— Потом расскажешь мне об этом. Его мать пришла ужасно не вовремя.

Он был прав, как раз в это самое время, моя мама и Чанк вошли в парадную дверь с ужином в руках. Я сердито посмотрел на отца, потом подошел к маме и забрал из ее рук коробки с пиццей. Убрав свой кошелек, мама подошла к Шесть и обняла ее.

— Я сожалею, что не смогла сама приготовить. Сегодня был тяжелый день.

— Все хорошо. Нет ничего лучше неуместного разговора за пиццей.

Я посмотрел на маму. Она повернулась к отцу и вопросительно посмотрела ему в глаза.

— Деннис? Что ты сделал?

Он пожал плечами.

— Только сказал маленькому Денни, что я бы никогда не поставил его в неловкое положение рядом с Шесть.

Моя мама засмеялась.

— Хорошо, что ты не пытаешься его смутить. Я не хочу, чтобы Шесть узнала о его длительных ваннных сеансах каждую ночь.

Я ударил по столу.

— Мама! Боже мой!

Она засмеялась, а папа подмигнул ей.

— Эта тайна уже раскрыта.

Шесть, покачивая головой, направилась к столу.

— Твои родители воспитали настоящего джентльмена.

Она заняла место за столом, и я сел рядом с ней.

— Мне очень жаль, — прошептал я. Она посмотрела на меня и улыбнулась

— Ты шутишь? Мне это нравится.

— Почему ты стесняешься длительных ваннных процедур? — спросила Чанк, садясь напротив Шесть. — Я думала, быть чистоплотным — это хорошо.

Она взяла кусок пиццы и начинает его откусывать, как вдруг зажимивает глаза и роняет

пиццу на тарелку. По выражению ее лица видно, что она обо всем догадалась.

— Ох, это отвратительно. Какая мерзость! — говорит она, качая головой.

Шесть засмеялась. Я прислонил руку ко лбу, уверенный, что это самые неудобные пять минут в моей жизни.

— Я ненавижу вас всех. Каждого из вас, — я быстро взглянул на Шесть. — Кроме тебя, малышка. Тебя я не ненавижу.

Улыбнувшись, она вытерла рот салфеткой.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Я тоже всех ненавижу.

Как только эти слова вылетели из ее уст, она отвела взгляд в другую сторону. У меня такое ощущение, будто она не просто ударила меня в живот, а вырвала мой кишечник и втоптала его в землю (растоптала его в пух и прах).

Я тоже всех ненавижу, Золушка.

Слова, сказанные мною в тот день в чулане, громко звучали в моей голове.

Не может быть.

Не может быть, чтобы я раньше не догадался, что *она — моя Золушка.*

Я подношу руки к лицу и закрываю глаза, пытаюсь вспомнить что — то еще из того дня. Ее голос, ее поцелуи, ее запах. Почти мгновенно я начал все вспоминать.

Ее смех.

— С тобой все в порядке? — тихо спросила Шесть. Кроме Шесть никто не заметил, что во мне что — то изменилось. Она почувствовала произошедшие во мне перемены, потому что мы с ней, как две родственные души. Ей не нужны слова, чтобы понять меня. С того самого момента, как я увидел ее в комнате у Скай, нам не нужны слова.

Мы не нуждались в них, с того самого момента, как она упала на меня в чулане.

— Нет, — говорю я, опуская руки. — Нет, я не в порядке, — я взялся за край стола и медленно повернулся к ней лицом.

Мягкие волосы.

Невероятный рот.

Восхитительно целуется.

У меня во рту пересохло, поэтому я взял свой стакан и отпил большой глоток. Опустив стакан на стол, я посмотрел на нее. Я стараюсь не улыбаться, но это немного трудно. Я осознал, что девушка из моего прошлого, которую я так

отчаянно хотел найти — это моя нынешняя девушка. Я благодарен судьбе за лучший день в моей жизни. Я хочу рассказать об этом Шесть, поведать Чанк, поделиться об этом с моими родителями. Мне хочется прокричать об этом с крыши дома и написать во всех газетах.

Золушка — это Шесть! Шесть — это моя Золушка!

— Дениэль, ты меня пугаешь, — сказала она, смотря на меня. Мое лицо побледнело, сердце забилось быстрее.

Я смотрю на нее. На этот раз, я действительно смотрю на нее.

— Тебе интересно узнать, почему до сих пор я не дал тебе прозвища?

Она кажется немного удивленный тем, что я именно это сказал ей после моего длительного молчания. Она настороженно кивнула. Я положил одну руку на спинку ее стула, а другую на стол перед ней, потом я наклонился к ней.

— Потому что я уже дал тебе одно, Золушка.

Немного отодвинувшись, я посмотрел на нее, ожидая ее реакции, когда она все поймет.

Воспоминания. Ясность.

Я спрашиваю себя, почему же, черт возьми, она не может этого понять.

Ее глаза медленно изучают мое лицо, пока не встречаются с моими.

— Нет, — Шесть покачала головой.

Я медленно кивнул.

— Да.

Она все еще качает головой.

— Нет, — уверенней повторила она. — Дениэль, не может быть, что бы ...

Я не дал ей договорить. Я хватаю ее лицо и целую ее так сильно, как никогда раньше. Черт, меня даже не волнует, что мы сидим за обеденным столом. Меня не волнует, что Чанк простонала. Меня не заботит, что мама прочищает горло. Я целовал ее до тех пор, пока она не начала отодвигаться от меня.

Она толкает меня в грудь. Я оторвался от нее как раз вовремя, чтобы увидеть сожаление в ее глазах. Я достаточно долго смотрел ей в глаза, чтобы увидеть, как она зажмурилась, а потом быстро поднялась, собираясь покинуть кухню. Я достаточно долго смотрел, чтобы увидеть, как она в спешке уходила, пытаясь сдержать слезы, прикрывая рот рукой. Я сидел на своем месте до

тех пор, пока передо мной не захлопнулась дверь, и я не осознал, что она ушла.

Я вскочил из — за стола. Выбежав из двери, я побежал к ее машине, припаркованной около моего дома. Я ударил кулаком по капоту, подбегая к ее окну. Она не смотрит на меня. Она вытирает слезы, не обращая внимания на окно, в которое я стучу.

— Шесть! — кричу я, многократно ударяя кулаками по ее окну. Я вижу, как она опустила руку, собираясь завести машину. Я, не задумываясь, оббежал машину, ударил капот и встал прямо перед ней, не давая ей проехать.

— Открой окно!

Она не двигается. Она плачет, смотря куда угодно, только не вперед.

Не на меня.

Я еще раз ударил по капоту, пока ее глаза, наконец, не встретились с моими. Ее страдания причиняют мне боль. Я был счастлив найти свою Золушку, но она, кажется, смущена этим.

— Пожалуйста, — сказал я, морщась от боли, раздирающей мою грудь. Я ненавижу видеть ее расстроенной, и я действительно ненавижу то, что она расстроена из — за этого.

Она заглушила машину, после чего опустила боковое стекло со стороны водителя. Я не уверен в том, что она не уедет, если я отойду от капота. Я медленно и осторожно направился к окну, не отводя взгляд от ее руки, убеждаясь, что она снова не заведет машину.

Добравшись до окна, я сажусь на корточки так, что оказываюсь с ней лицом к лицу.

— Могу я узнать в чем дело?

Она смотрит на крышу, прислонив голову к подголовнику.

— Дениэль, — прошептала она сквозь слезы, — ты не понимаешь.

Она права.

Абсолютно права.

— Ты расстроена? Потому что у нас был секс?

Она закрыла глаза, думая, что я ее осуждаю. Я дотронулся до ее руки, обращая на себя ее внимание.

— Не смей стыдиться этого. Никогда. Ты знаешь, как много это значит для меня? Знаешь, сколько раз я о тебе думал? Я был там. Мы приняли обоюдное решение, поэтому, пожалуйста, даже секунды не думай о том, что я могу тебя судить за то, что произошло между нами.

Она начала плакать еще сильнее. Я хочу, чтобы она вышла из машины. Я хочу ее обнять. Я не могу видеть ее расстроенную, не имея возможности ее успокоить.

— Дениэль, я сожалею, — рыдая, сказала она. — Это была ошибка. Это была огромная ошибка, — ее рука опустилась на рычаг переключения передач. Я быстро положил руку на машину, пытаюсь ее остановить.

— Нет, Шесть, нет, — умоляю я. Она завела машину, дотянулась до двери и положила палец на кнопку, закрывающую окно.

Я делаю последнюю попытку наклониться и поцеловать ее, перед тем как она закроет окно.

— Шесть, пожалуйста, — в моем голосе слышатся печаль и отчаяние. Она продолжает закрывать окно, до тех пор, пока полностью не закрыла его. Я подношу ладони к стеклу и ударяю по нему, но она уезжает.

Мне не оставалось ничего делать, кроме как наблюдать за тем, как бампер ее машины исчезает вдали улицы.

Что, черт возьми, это было?

Это была не она.

Мне не нравится, как она отреагировала, когда узнала, кто я.

Мне ненавистна мысль о том, что она стыдится того дня, пытаюсь забыть его. Как будто она пытается забыть меня

Я ненавижу это. Я сделал все возможное, чтобы навсегда запомнить тот день. Я никогда ничего подобного не испытывал.

Она не может этого сделать. Она не может так просто оттолкнуть меня, не объясняя причин.

Глава 6

Зайдя домой за ключами, я не смог объяснить моим родителям, что же произошло. Они извинялись, думая, что сделали что — то не так. Они винили себя за собственные шутки. У меня не было времени, чтобы объяснить, что это не их вина. Я бы хотел их успокоить, но даже я не знаю, что случилось.

Будь я проклят, если сегодня же не пойму в чем дело. Прямо сейчас.

Припарковав свою машину около подъездной дорожки и заглушив мотор, я вздохнул с облегчением, увидев ее машину около дома. Выйдя из машины, я пинком закрыл дверь и направился к входной двери. Не доходя до веранды, я обогнул дом с другой стороны. Она ушла в расстроенных чувствах, поэтому, не думаю, что она зашла домой через дверь. Несомненно, она залезла через окно.

Я подошел к ее спальне. Окно было закрыто, занавески плотно задернуты. В комнате было темно, но, тем не менее, я знал, она внутри. Стучать в окно было бессмысленной тратой времени. Я открыл окно и распахнул шторы.

— Шесть, — твердо сказал я, — я уважаю твои «оконные правила», но сейчас мне очень тяжело сдерживать себя, пытаюсь не нарушить их. Нам нужно поговорить.

Тишина. Она ничего не ответила. Я ни на минуту не сомневался, что она в комнате. Я слышу, как она плачет. Осознание моего бессилия огорчает меня.

— Я пойду в парк. Давай встретимся там. Хорошо?

Прошло несколько долгих минут в полной тишине, прежде чем Шесть ответила.

— Дениэль, иди домой. Пожалуйста, — ее голос звучит мягко и слабо, но ее грустная и ангельская просьба всадила мне нож в самое сердце. Отойдя от окна, я из — за разочарования ударил стену дома. Или из — за гнева... Или из — за печали... Или... черт. Из — за всех этих чувств, переполнявших меня одновременно.

Хватаясь за раму, я еще ближе прислонился к окну.

— Шесть, встретимся в том чертовом парке! — я сказал это достаточно громко. В моем голосе слышатся нотки раздражения. Я злюсь. Она сильно меня рассердила. — Мы не делаем этого. Мы не играем в такие игры. Ты должна все мне объяснить.

Отойдя от окна, я направился к своей машине. Я прошел пять футов, потирая лицо руками, желая ударить что —нибудь перед собой. Я остановился на несколько секунд, пытаюсь мысленно успокоиться. Она здесь.

Я вернулся к ее окну. Шесть плачет еще громче, пытаюсь заглушить звуки подушкой. Ее слезы разрывают мне сердце.

— Малышка, послушай, — сказал я спокойно, — я сожалею о сказанном. Черт. Я не должен был ругаться, потому что расстроен, но... — я глубоко вздохнул. — Но, черт побери, Шесть. Пожалуйста... Пожалуйста, давай просто встретимся в парке. Если через полчаса часа ты не придешь, мы расстанемся. Я уже проходил всю эту чертовщину с Вэл. Я не хочу, чтобы это снова повторялось.

Я повернулся, дошел до своей машины и в гневе топнул ногой по земле. После чего снова подошел к ее окну.

— Я не серьезно сказал, что мы расстанемся, если ты не придешь. Даже если ты не приедешь в парк, я все еще хочу быть рядом с тобой. Я только расстроюсь из — за того, что мы там не встретимся. Мы можем одержать верх над всеми проблемами, Шесть. Это то, что мы делаем. Малышка, только ты и я

Я жду ее ответа дольше, чем полагается. Она так и не ответила. Я вернулся к своей машине и поехал в парк, надеясь, что все же она приедет.

• • •

Прошло двадцать семь минут, прежде чем Шесть, наконец — то въехала на парковку.

Я не удивлен, что она приехала. Я знал, что она сделает это. Такая реакция нехарактерна для нее, и я знал, ей просто нужно было время, чтобы все осознать.

Я наблюдал за ней, пока она медленно направлялась ко мне, ни разу не взглянув на меня. Всю дорогу она смотрела себе под ноги. Она села рядом со мной на качели, схватилась за цепи и прислонилась головой к руке. Я терпеливо жду, пока она заговорит первой, понимая, что, возможно, она этого не сделает.

Она не сделала этого.

Я положил руки поверх цепочки и прислонился головой к руке, зеркально повторив ее позу. Мы спокойно смотрели на окружающую нас темноту.

— После того, как в тот день, ты покинула меня, — начал я, — я не был уверен в том, что ты хотела этого. Я задавался вопросом, думала ли ты обо мне так же часто, как я о тебе и поменяла ли ты свое мнение. Возможно, ты хотела, чтобы я нашел тебя.

Я наклонил голову, чтобы посмотреть на нее. Ее светлые волосы убраны за уши, а глаза закрыты. Несмотря на закрытые глаза, я видел всю боль, которая в них скрывалась.

— День за днем я себя спрашивал, хочешь ли ты этого от меня. Я ждал и ждал, что ты вернешься, но ты ни разу этого не сделала. Я знаю, что мы оба сказали, что будет лучше, если мы не будем знать друг друга, но честно, ты значила для меня слишком много, я не мог не думать о тебе. Я очень сильно хотел, чтобы ты вернулась. Каждый пятый урок, в течение семестра, я приходил в ту чертову подсобку. Последний день в школе был самым паршивым. Когда прозвенел звонок, и мне нужно было уходить из этого чулана в последний раз, я чувствовал себя ужасно. Невыносимо. Я чувствовал себя идиотом, снова и снова возвращаясь мыслями к тебе. Когда я познакомился с Вэл, я заставил себя двигаться

вперед вместе с ней, потому что она помогала мне забывать об этой чертовой подсобке.

Я развернулся к ней лицом.

— Ты нравишься мне, Шесть. Очень сильно нравишься. Я знаю, мои слова кажутся немного странными или сумасшедшими, но в тот день, когда мы изображали, что занимаемся любовью, я чувствовал, что люблю кого — то так, как никогда раньше.

Я поворачиваюсь на качелях так, что смотрю теперь вперед, а не на ее лицо, и встаю. Я подошел к Шесть, встал перед ней на колени и обнял ее за талию. Прикоснувшись к ней, я поднял на нее свой взгляд и увидел внезапную вспышку боли на ее лице.

— Шесть. Не позволяй тому, что произошло между нами стать отрицательным моментом. Пожалуйста. Потому что тот день был одним из лучших дней в моей жизни. На самом деле, это был лучший день в моей жизни.

Она оторвала голову от руки, открыла глаза и посмотрела на меня. Слезы текли по ее лицу. Это разбивает мне сердце.

— Дениэль, — прошептала она сквозь слезы. Она зажмурила глаза и отвернулась от меня, как будто не могла даже смотреть на меня. — Я забеременела.

Глава 7

Иногда, когда я почти уже заснул, я слышу что — то, что меня пробуждает. Я внимательно прислушиваюсь, спрашивая себя, действительно ли я что — то слышал или это всего лишь мое воображение сыграло со мной злую шутку. Я задерживаю дыхание, не двигаюсь и прислушиваюсь к тишине

Я молчу

Я спокоен.

Я затаил дыхание.

Я слушаю.

Я пытаюсь сосредоточиться, положив голову на бедра, но это действительно трудно. Не знаю, когда я ее опустил, но мои руки до сих пор обнимают ее талию. Я пытаюсь понять, могут ли эти слова одним ударом нокаутировать мое сердце как боксерскую грушу или это всего лишь плод моего воображения.

Боже, надеюсь, это всего лишь мое воображение.

Слезы, капающие у нее из глаз, падают мне на щеку.

— Я не знала об этом, пока не приехала в Италию, — ее голос пронизан скорбью и болью. — Мне жаль.

Я мысленно сделал подсчет. Я подсчитал дни, недели и месяцы, пытаюсь понять, о чем она говорит, потому что очевидно, что сейчас она не беременна.

Мои мысли все еще в беспорядке, я все еще подсчитываю числа, стираю ошибки и снова считю числа.

Она была в Италии почти семь месяцев.

Семь месяцев там, три месяца до ее отъезда и один месяц после ее возвращения.

Это почти год.

Мой мозг болит. У меня все болит.

— Я не знала, что мне делать. Я не могла воспитывать его одна. Мне было восемнадцать, когда я узнала, поэтому...

Я быстро поднял голову и посмотрел ей в глаза.

— Он? — спросил я, качая головой. — Откуда ты знаешь? — я закрыл глаза и глубоко вздохнул, опуская руки с ее талии. Я поднялся на ноги и развернулся, расхаживая из стороны в сторону, осмысливая произошедшее.

— Шесть, — говорю я, качая головой, — я не... ты сказала... — сделав паузу, я повернулся к ней лицом. — Ты хочешь сказать, что у тебя, черт побери, был ребенок? Что у нас был ребенок?

Она снова заплакала. Нет, не заплакала, а зарыдала. Черт, я не знаю, когда она остановится. С болью, она кивнула.

— Дениэль, я не знала, что делать. Я была напугана.

Она поднялась и направилась ко мне, осторожно положив руки мне на щеки.

— Я не знала, кто ты, так же как и не знала, как тебе сказать об этом. Если бы я знала твое имя или как ты выглядишь, я бы никогда не приняла это решение без тебя.

Я взял ее руки и убрал со своего лица.

— Нет, — я чувствую зарождающуюся в себе обиду. Я пытаюсь сдержаться, как бы это не было трудно, чтобы понять, чтобы все усвоить.

Я просто не могу.

— Почему ты мне не сказала? Шесть, это не щенок, которого ты нашла. Это ... — я качаю головой, все еще не понимая ее поступка. — У нас должен был быть ребенок, и ты ни черта об этом мне не сказала!

Она сжала мою рубашку, качая головой, прося посмотреть на ситуацию с ее стороны.

— Дениэль, я тебе об этом и говорю! Что по твоему мнению я должна была сделать? Ты ждал, чтоя по всему колледжу развешу объявления с надписью «с кем я столкнулась в чулане»?

Я смотрю прямо ей в глаза.

— Да, — низким голосом ответил я.

Она отступила назад, а я шагнул вперед.

— Да, Шесть! Это именно то, что я хотел, чтобы ты сделала. Ты должна была развесить объявления по всем коридорам, сделать заявление по радио, опубликовать статью в дурацкой газете! Ты была беременна моим сыном, и ты волнуешься о своей репутации? Ты издеваешься надо мной?

Я дотрагиваюсь до своей щеки, буквально через секунду после того, как она отвесила мне пощечину.

Боль в ее глазах не сравнится с болью в моем сердце, так что я не сожалею о сказанном. Даже когда она заплакала еще сильнее. Я и не знал, что люди способны так сильно плакать.

Она снова побежала к своей машине.

Я позволил ей уйти.

Я вернулся к качелям и сел.

Проклятая жизнь.

Чертова жизнь.

Я: Ты где?

**Холдер: Возвращаюсь от Скай. Почти дома.
Что случилось?**

Я: Буду через пять минут.

Холдер: Все в порядке?

Я: Нет.

Спустя пять минут, Холдер уже ждал меня на обочине. Я припарковался на его стороне улицы, он открыл пассажирскую дверь и сел внутрь. Я заглушил машину, запрокинул ногу на приборную панель и посмотрел в окно.

Я удивлен не только своей злостью, но и грустью. Не знаю, как разделить все свои чувства, чтобы добиться контроля над всем, что меня беспокоит. Сейчас я не могу точно сказать, потому ли это, что у меня не было права голоса в принятии решения или это из — за сложившийся ситуации с самого начала.

Я злюсь, потому что не был там и не помог ей. Меня бесит то, что я заставил девушку пройти через все это.

Мне грустно, потому что... черт. Я печален потому, что так сильно рассердился на нее. Мне горько, зная что — то настолько подавляющее, и быть не в силах что — то сделать с этим, даже если бы я хотел этого. Мне плохо, потому что я сижу здесь, в припаркованном автомобиле, и срываюсь перед своим лучшим другом. Я не хочу этого делать, но уже слишком поздно. Я ударил руль рукой и заплакал. Я бил его снова и снова, пока не начал задыхаться в машине. Мне нужно выйти. Я открыл дверь, вышел из автомобиля и ногой начал пинать шину. Я бил ее до тех пор, пока моя нога не онемела, потом я облокотился на капот машины. Я прижался лбом к холодному металлу машины и сосредоточился, пытаюсь утихомирить свой гнев.

Это не ее вина.

Это не грех.

Это не ее проступок.

Когда я, наконец, успокоился и вернулся в машину, Холдер спокойно сидел на пассажирском сиденье, внимательно изучая меня.

— Хочешь поговорить об этом?

Я покачал головой.

— Нет.

Он кивнул. Возможно, он ожидал, что я не захочу говорить об этом.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Холдер.

Я сжал пальцы вокруг руля и завел машину.

— Мне не важно, что мы будем делать.

— Мне тоже.

Я выехал на дорогу.

— Мы можем поехать к Брекину, где ты выместишь свою злость на видеоиграх.

Я кивнул и выехал по направлению к дому Брекина.

— Тебе лучше не говорить ему, что я плакал.

Глава 8

— Выглядишь ужасно, — сказал Холдер, прислонившись к шкафчику рядом со мной. — Ты спал сегодня ночью? Я покачал головой. Конечно же, я не спал. Как, черт побери, я мог уснуть? Я знаю, она не спала. Как зная это, я мог спокойно спать?!

— Ты расскажешь мне, что произошло?

Я прикрыл свой шкафчик, придерживая его рукой, устремив взгляд в пол и медленно вздохнув.

— Нет. Холдер, обычно я тебе все рассказываю, но только не в этот раз.

Он ударил соседний шкафчик несколько раз кулаком, после чего отошел от него.

— Шесть тоже ничего не рассказала Скай. Не знаю, что между вами произошло, но ... — он смотрит на меня до тех пор, пока я не встречаюсь с ним взглядом, — вы мне нравитесь. Дениэль, я просто хочу это решить.

После того как он ушел, я закрыл свой шкафчик. В течение нескольких секунд я пытаюсь успокоиться, потому что следующий урок находится в коридоре, где расположен шкафчик Шесть. Я не видел ее со вчерашнего дня в парке, и я не уверен, что хочу ее видеть. Я уже ни в чем не уверен. У меня так много вопросов, которые я хотел бы ей задать, но сама мысль о них отдается болью в моей груди, затрудняя мое дыхание.

После того, как прозвенел звонок, я решил пойти в свой класс. Сегодня утром я не мог решить, остаться мне дома или все же пойти в школу. И все же, остаться в своей комнате и думать о ней хуже. Я предпочитаю чем — то заниматься, нежели мысленно противостоять ей.

Или, может быть, я должен противостоять ей прямо сейчас, потому что как только я завернул за угол, я увидел её.

Я тихо остановился и наблюдаю за ней. Шесть одна в коридоре. Она неподвижно стоит и смотрит на свой шкафчик. Мне хочется уйти раньше, чтобы она не успела заметить меня, но я не могу оторвать от нее взгляд. Ее поведение ранит меня, мне хочется подбежать к ней и обнять ее, но... я не могу. Одновременно мне хочется накричать на нее, обнять, расцеловать и обвинить во всех чувствах, которые я испытывал в последнее время, пытаюсь все обдумать.

Я тяжело вздохнул. Её взгляд встретился с моим. Я достаточно далеко, чтобы услышать ее плачь, но в тоже время я достаточно близко, чтобы увидеть ее слезы. Ни один из нас не двигается. Мы внимательно смотрим друг на друга. Прошло несколько мгновений, и я вижу, что она надеется, что я что —нибудь скажу.

Я прочистил горло и направился к ней. Чем ближе я подхожу к ней, тем отчетливей я слышу ее приглушенный плачь. Не доходя оставшиеся пять метров до нее, я остановился. Чем ближе я к ней, тем тяжелей мне дышать.

— Это он...? — я закрыл глаза и вздохнул, снимая внутреннее напряжение, потом открыл, собираясь с силами закончить свое предложение без эмоций во взгляде. — Когда ты рассказывала о мальчике, который разбил тебе сердце в Италии... Ты говорила о нем, правда? О ребенке?

Я едва вижу, как она кивнула головой, подтверждая мои мысли. С силой зажмурил глаза, я откинул голову назад.

Я не знал, что сердце может так болеть, как сейчас. Боль настолько сильна, что мне хочется проникнуть во внутрь и вытащить его из груди, чтобы больше никогда ее не ощущать.

Я не могу этого сделать. Не здесь. Мы не можем обсуждать это в школьном коридоре.

Не в силах снова посмотреть на нее, я повернулся назад. Я пошел к своему классу и, открыв дверь, вошел не оборачиваясь.

Глава 9

Я не знаю, почему я все еще здесь. Я не хочу быть здесь. Я уверен, что пробыл здесь уже полчаса. Я просто не могу уйти раньше ланча, потому что боюсь даже представить, что она может надумать, если я не покажусь на обеде. Я мог бы отправить ей сообщение с просьбой поговорить позже, но я даже не уверен, что хочу отправить ей сообщение. Мне необходимо все обдумать, поэтому я лучше буду ее игнорировать до тех пор, пока не разложу все по полочкам.

Я подошел к дверям кафе и направился к нашему столику. У меня нет аппетита, поэтому я прошел мимо буфета. Брекин сидит на моем обычном месте рядом с Шесть, но, возможно,

сейчас это к лучшему. Во всяком случае, я не уверен, что смогу сидеть рядом с ней.

Шесть сконцентрировала все свое внимание на учебнике, лежащем перед ней. Она больше не плачет. Я сел напротив нее. Шесть знает, что я сел, но ее взгляд так и остался неподвижным. Я наблюдаю за Скай и Холдером, которые увлечены беседой с Брекином. Я пытаюсь найти удобный момент, чтобы вступить в разговор.

Я не могу вступить в их беседу, потому что не могу сосредоточиться. Я исподтишка поглядываю на Шесть в надежде поймать ее взгляд на себе и убедиться, что она больше не плачет. Она ничего из этого не делает.

— Ты не ешь? — спросил Брекин, крадя мое внимание.

Я покачал головой.

— Я не голоден.

— Тебе нужно поесть, — сказал Холдер, — к тому же, тебе не мешает сиеста^[5]. Может быть, тебе нужно пойти домой.

Я кивнул, но ничего не ответил.

— Если ты пойдешь домой, захвати с собой Шесть, — сказала Скай. — вам обоим нужно вздремнуть.

Я не могу кивнуть в ответ на ее высказывание. Я снова взглянул на Шесть, как раз вовремя, чтобы увидеть, как слеза упала на страницу ее книги. Она быстро вытерла ее рукой и перевернула страницу.

Черт побери, если это не заставило меня чувствовать себя полным дерьмом.

Я наблюдаю за ней. Ее слезы продолжают капать на страницы, одна за другой. Она быстро вытирает их рукой и, прежде чем другие смогли бы заметить ее слезы, переворачивает страницы, даже не дочитав их до конца.

— Брекин, встань, — сказал я. Он смотрит на меня недоуменным взглядом, но даже не прилагает усилий, чтобы встать. — Я хочу сесть на твое место. Поднимайся.

Наконец то, он понял, что я сказал, поэтому быстро поднялся. Я встал и обошел кругом стол, потом присел рядом с ней. Как только я сел, она сложила руки на стол и опустила голову на локти. Ее плечи начинают трястись и, будь я проклят, если смогу ей позволить продолжить ей и дальше плакать. Обняв ее и положив голову ей на макушку, я закрыл глаза. Я ничего не говорю. Я просто поддерживаю ее, пока она плачет, уткнувшись в свои руки.

— Дениэль, — я слышу, как она говорит сквозь слезы. Она подняла голову и посмотрела на меня. — Дениэль, мне так жаль. Я очень сильно сожалею, — ее слезы превращаются в всхлипы, и всхлипы причиняют мне боль. Это чертовски больно.

Я притянул ее к своей груди

— Шшш. Не надо. Не извиняйся.

Она обессиленно падает в мои объятия. Все в кафе посматривают на нас. Мне хочется обнять ее и сказать, как сильно я сожалею, что позволил вчера ей уйти, но нам нужно уединиться. Одной рукой я крепче обнял ее за талию, а другой поднял ее ноги. Прижав ее к себе, я поднялся и пошел в коридор. Я свернул за угол и нашел нашу комнату. Она все еще плачет, крепко обнимая меня. Я открыл дверь нашей секретной комнаты и, зайдя внутрь, закрыл ее за собой. Прижимая спиной к двери, я соскользнул на пол, крепко держа в объятиях Шесть.

— Шесть, — прошептал я ей на ушко, — я хочу, чтобы ты успокоилась. Мне нужно о многом тебе рассказать.

Я почувствовал ее кивок на своей груди и замер, ожидая, когда она успокоится. Прошло несколько минут, прежде чем она успокоилась, позволяя мне продолжить.

— Прежде всего, я сожалею о том, что позволил вчера тебе уйти. Я не хочу, чтобы ты даже на мгновение думала о том, что я осуждаю твое решение. Договорились? Я не буду ставить себя на твое место и говорить тебе, что ты сделала неправильный выбор, потому что меня не было рядом, и я не представляю, как тебе было тяжело.

Я расположился удобней и вытянул ноги, вынуждая ее сесть и посмотреть мне в глаза.

— Я просто расстроен. Понимаешь? Вот и все. Я могу погрузиться об этом и мне нужно, что бы ты позволила мне сделать это. Вчера на меня слишком много свалилось.

Ее губы вытянулись в тонкую линию, и она кивнула, пока я вытирал ее слезы большим пальцем.

— У меня много к тебе вопросов, Шесть. И я знаю, ты ответишь на них, когда будешь готова. Я подожду. Если тебе нужно время, я тебе его дам.

Она покачала головой.

— Дениэль, это — твой сын. Я отвечу на любой твой вопрос. Я не знаю, хочешь ли ты услышать ответы на свои вопросы, потому что... — она с силой зажмурила глаза, сдерживая слезы, — потому что я сделала неправильный выбор и сейчас слишком поздно. Слишком поздно вернуть все назад.

Она снова заплакала, а я обнял ее за плечи.

— Дениэль, если бы я знала, что это был ты или, в конце концов, я тебя встречу, я бы никогда этого не сделала. Я бы никогда от него не отказалась, но я уже это сделала. Сейчас слишком поздно. Я не знаю, где он. Я сожалею. Я очень сильно сожалею, Дениэль. Боже мой, мне так жаль.

Я покачал головой, желая, чтоб она остановилась. В этой ситуации больше всего меня ранит ее боль.

— Шесть, послушай меня, — я наклонился назад и посмотрел ей в глаза, трепетно держа ее лицо в своих руках. — Ты приняла это решение для него. Не для себя. Не для меня. Ты сделала то, что будет лучше для него, и я никогда не смогу отблагодарить тебя за это. И пожалуйста, не думай, что это изменит мои чувства к тебе. В любом случае, это дает мне знать, что я не спятил. В прошлом месяце, я думал, что мои чувства к тебе не могут быть настоящими, потому что их много и они переполняют меня. Мои чувства к тебе сильны до сих пор. Когда я рядом с тобой, мне приходится держать язык за зубами, потому что все, что я хочу сделать — это сказать тебе, насколько сильно я тебя люблю. Но прошел всего лишь месяц с нашего знакомства, и единственный раз, когда я произносил эти слова вслух — это год назад одной девушке. Прямо

здесь, в этой комнате. Шесть, ты не поверишь, как сильно я хотел, что бы в тот момент все было по—настоящему. Я тебя не знал, но Боже, я хотел сделать это. И теперь, когда я тебя знаю... действительно знаю тебя... Я знаю, это все по—настоящему. Я тебя люблю. И зная то, что мы делали в том году, а теперь осознавая, через что тебе пришлось пройти, и какой ты стала... это просто потрясение для меня. Этого достаточно, чтобы понять, что я люблю тебя.

Я чувствую ее руки, вытирающие слезы на моих щеках, когда я нагнулся, чтобы поцеловать ее. Я прильнул к ней, а она ко мне, я больше никогда ее не отпущу. Я целую ее, пока ее руки изучают мое лицо. Наши губы разъединились и я прислонился своим лбом к ее. Она все еще плачет, но сейчас ее слезы были другими. Чувствую, что сейчас это слезы облегчения, сменившие слезы волнения.

— Я так рада, что это был ты, — сказала Шесть, держа в руках мое лицо. — Я счастлива, что это был ты.

Я притянул ее к себе и крепче и обнял. Я обнимал ее до тех пор, пока не прозвенел звонок и коридор снова опустел, а затем прозвенел еще один звонок, а мы до сих пор были тут вместе. Я целовал ее волосы (макушку), поглаживая ее по спине и целуя в лоб.

— Он был похож на тебя, — тихо сказала она. Ее рука медленно поглаживала мою руку, а щека прислонилась к моей груди, — у него были твои карие глаза и он был лысым, но я уверена, что у него, так же как и у тебя, будут темные волосы. И у него твой рот. У тебя большой рот.

Поглаживая ее по спине, я поцеловал ее в макушку.

— Представляю, — говорю я. — Он копия своего отца, с сильным характером, как у его матери, и с милым итальянским акцентом. У мальчика не будет проблем в жизни.

Она смеется. От этого прекрасного звука на моих глазах наворачиваются слезы. Я с силой сжал ее и, вздохнув, положил свою щеку на ее макушку.

— Возможно, это к лучшему, что все так сложилось. Если бы мы оставили его, я бы разрушил его жизнь дурацким прозвищем. Возможно, я бы назвал его Солёный Шарик или как— то по— другому. Очевидно, я еще не готов стать отцом.

Она качает головой.

— Ты бы был хорошим отцом. И настанет день, когда Солёный Шарик будет прекрасным прозвищем для наших детей. Просто время не пришло.

Сейчас я смеюсь.

— А что будет, если у нас будут только девочки?

Она пожала плечами.

— Лучше.

Улыбаясь, я прижал Шесть ближе к себе. Прошлой ночью я отдалился от нее, я знаю, что для нее это было очень тяжело. Я знаю, что никогда не хочу снова это ощущать. Я не хочу, чтобы она снова себя так чувствовала.

— Знаешь, что я только что поняла? — говорит она. — У нас уже был секс. Я была расстроена, потому что если бы у нас был секс, то ты был бы седьмым, с кем я спала, а это много. Но сейчас ты шестой, потому что у нас был секс ранее, когда мы еще не знали друг друга.

— Мне нравится шесть. Это хорошее число. К тому же, это мое любимое число.

— Не обольщайся тому, что у нас уже был секс. Теперь тебе придется подождать.

— Когда—нибудь я тебя уговорю, — шучу я.

Я поднимаю свою руку к ее голове и держу ее там, наклоняюсь ближе к ней, и нежно целую ее в губы. Я задержался около ее рта и признался ей:

— Я не упоминал об этом потому, что мы были вместе сравнительно недолгое время и боялся, что спугну тебя. Но сейчас, когда я знаю, что у нас был ребенок, это смущает меня

— О— о— о нет. Что случилось? — нервно спросил она.

— Меньше, чем через месяц мы закончим учиться. Я знаю, что ты, Скай и Холдер планируете вместе поступать в колледж в Делласе после лета. А я подал документы в университет в Остине, но потом, когда познакомился с тобой, я подумал, что тоже могу подать документы в Деллас. Знаешь...в том случае, если мы будем вместе. Мне не нравится, что нас будут разделять друг от друга пять часов езды.

Наклонив голову в бок, она посмотрела на меня.

— Когда ты подал заявку?

Я пожал плечами, как будто это не имело большого значения.

— В тот вечер, когда Скай устроила для тебя праздничный ужин.

Шесть села и посмотрела на меня.

— Это было спустя двадцать четыре часа после того, как мы в первый раз с тобой гуляли. Ты

выбрал мой университет, зная меня всего лишь день?

Я кивнул.

— Да, но теоритически мы знакомы уже год. Если рассматривать с этой точки зрения, то это не так уж и странно.

Она смеется над моими рассуждениями.

— Ну и как? Тебя приняли?

Я кивнул.

— Возможно, я буду жить вместе с Холдером.

Она улыбнулась. Эту улыбку я люблю больше всего в жизни.

— Дениэль? Это серьезно. Эта вещь между нами. Это достаточно сильно, да?

— Да. Думаю, на этот раз мы можем влюбиться по—настоящему. Больше не нужно притворяться.

— Сейчас, когда все так серьезно, думаю, настало время познакомить тебя с моими братьями.

Я отодвинулся и замотал головой.

— Быть может, я преувеличиваю. Я еще не настолько тебя люблю.

Она смеется.

— Нет, ты любишь меня. Дениэль, ты сильно любишь меня. Ты полюбил меня в тот момент, когда я позволила тебе случайно потрогать свою грудь.

— Нет, думаю, я тебя полюбил тогда, когда ты заставила мой язык проникнуть в твой рот.

Она покачала головой.

— Нет, ты влюбился в меня в то мгновение, когда я позволила тебе поцеловать меня в переполненном ресторане рядом с грязными пленками.

— Неа, я влюбился в тебя в тот момент, когда ты зашла в комнату Скай с ложкой во рту.

Она смеется.

— На самом деле, ты влюбился в первый раз в меня, когда год назад сказал, что любишь меня. Прямо здесь, в этой комнате.

Я покачал головой.

— Я полюбил тебя в то мгновение, когда ты упала на меня и заявила, что всех ненавидишь.

Она перестала улыбнуться.

— Я влюбилась в тебя в тот миг, когда ты сказал, что тоже ненавидишь весь мир.

— Я ненавидел всех до тех пор, пока не познакомился с тобой.

— Ты сказал, что ты «не ненавидящий», — она улыбнулась.

— И я тебе сказал, что не существует такого слова «не ненавидящий».

Ее взгляд сфокусировался на мне, она взяла меня за руку, переплетая наши пальцы. Мы внимательно смотрим друг на друга, как делали это много раз, но в этот раз, я чувствую каждую часть себя. Я чувствую ее каждой клеточкой и это чувство ново и сильно, и всепоглощающе, и именно в этот момент я понял, что вместе мы нечто большее.

— Я люблю тебя, Дениэль Уэсли, — прошептала Шесть.

— Я люблю тебя, Семь Мария Шесть Золушка Джекобс.

Она смеется.

— Спасибо тебе, за то, что не пытаешься измениться.

— Спасибо за то, что не просишь меня меняться, — я наклонился и поцеловал ее улыбку, растянувшуюся у нее на губах. Я молча благодарю Вселенную за то, что она снова вернулась ко мне.

Мой чертов ангел.

Книги серии Hopeless

1 — «Без надежды»

Что бы вы предпочли: узнать безнадёжную правду, или продолжать верить в ложь?

Эта захватывающая история — о двух молодых людях, пускающихся в интригующее путешествие, чтобы в итоге усвоить уроки жизни, доверия, любви и, прежде всего, исцеляющую силу правды.

Семнадцатилетняя Скай знакомится с Дином Холдером — парнем, чья отвратительная репутация может соперничать с её собственной. С самой первой встречи он пугает её и одновременно приковывает к себе её внимание, вызывая к жизни воспоминания о прошлом, которые она пыталась похоронить. И хотя Скай изо всех сил старается держаться подальше от Холдера, она не может противостоять его неукротимой настойчивости и завораживающей улыбке. Но у загадочного Холдера есть свои собственные секреты, и, случайно проникнув в них, Скай меняется навсегда. Кто знает, сможет ли она теперь доверять людям?

Но у них остаётся надежда — лишь смело взглянув в лицо суровой реальности, Скай и Дин залечат свои раны и смогут жить и любить без преград и ограничений.

2 — «Потерянная надежда»

«Без надежды» — это история Скай. А теперь, в «Потерянной надежде» мы, наконец, узнаем всю правду о Дине Холдере.

Он не смог спасти маленькую девочку от угрозы преследования, поэтому жизнь Холдера омрачена чувством вины и угрызением совести. Он никогда не прекращал искать её, полагая, что найдя её, сможет обрести мир и двигаться дальше. Однако, Холдер и не предполагал, что может столкнуться с большей болью, когда они встретятся.

В «Потерянной надежде» Холдер раскрывает, каким образом события, случившиеся в детстве Скай, влияют на него и его семью, он верит, что отыскав её, он сможет искупить свою вину.

Но только будучи влюбленным в Скай он сможет излечить свою душу.

2.5 — «В поисках Золушки»

Случайная встреча восемнадцатилетнего Дениэля и столкнувшейся с ним в темноте девушки, приводит их к принятию решения «поиграть» в любовь друг к другу. Эта любовь имеет такие условия: они договариваются, что она будет длиться только один час, и будет происходить только понарошку.

Когда время истекает, девушка убегает, как Золушка, а Дениэль старается убедить себя в том, что произошедшее между ними, казалось безупречным только потому, что они разыгрывали себя. Ведь, такое может случаться только в сказках.

Спустя год и еще одни не сложившиеся отношения, убеждение Дениэля в отсутствии любви с первого взгляда меняет встреча с Шесть: девушкой со странным именем и еще более странной индивидуальностью. К сожалению, для Даниэля, встреча настоящей любви не гарантирует счастливого продолжения... ведь в дальнейшем любви угрожает опасность.

Сможет ли невыносимо тягостный секрет из прошлого Дениэля не повлиять на единственный шанс сохранить его отношения с Шесть?